

ДЕНИС БАБИЧЕНКО

И. Сталин: «Доберемся до всех» (Как готовили послевоенную идеологическую кампанию. 1943–1946 гг.)

Послевоенное административно-погромное вмешательство в творчество литераторов, драматургов и кинематографистов, выразившееся в постановлениях ЦК 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград” (14 августа), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа) и «О кинофильме “Большая жизнь” (4 сентября), сталинское руководство фактически начало готовить с 1943 г. Когда определился поворот в ходе войны, в Центральном Комитете, в Управлении пропаганды и агитации (УПА) с новой силой были запущены апробированные ранее методы политической цензуры и гонений с целью подчинения таланта художника идеологическим установкам партии.

Генералы от идеологии (термин, применяемый в переносном смысле, в данном случае имеет и прямое значение: во время войны Щербаков — генерал-полковник и Жданов — генерал-лейтенант — не снимали форму) начинают охоту за «неблагонадежными» литераторами. Вместе с идеологами приходили в себя и литераторы. Созданные ими произведения с учетом горького опыта первых лет войны имели явно крамольное звучание. Многие тогда отчетливо увидели истинную цену партийных организаций в армии, обманчивый смысл тех агитационных мероприятий, в основе которых лежала «шапкозакидательская» теория.

«Конечно, писатели, — рассуждает Л. Лазарев, — не все тогда знали, не все понимали в обрушившемся на страну хаосе горя и доblesи, мужества и бедствий, малой частицей которого они были сами, но их взаимоотношения с правдой, как они ее видели и понимали, не были, как в предыдущие и последующие годы, столь осложнены внешними обстоятельствами, государственными рекомендациями и запретами»¹.

В статье В. Кормера есть размышления, касающиеся исследуемого нами периода: «Интеллигенция встретила войну с облегчением и радостью... Ощущение трагедии народов лишь обостряет его (интеллигента. — Д. Б.) чувства, делает их полновесней... Интеллигент снова был при деле, он снова был нужен своей земле, он был со своим народом. Неважно стало, кто правит этим народом... Зло опять было где-то вовне, интеллигент опять видел перед собой эту цель — уничтожить зло, интеллигент опять становился спасителем человечества. С оружием в руках он чувствовал себя впервые после всех унижений сильным, смелым, свободным. Он надеялся, что по возвращении это чувство не покинет его, что государство, которого он снова стал полноправным гражданином, это государство, пройдя через огонь войны, совершит великий подвиг, преобразится... Ответом был торжествующий сталинский византизм... Машина крутилась»².

Но прежде чем это произойдет, машина будет долго раскручиваться.

Открывшаяся перед литераторами в этих новых условиях возможность рассказать Правду воплотилась в работах Василия Гроссмана («Сталинградские очерки»), Леонида Леонова («Нашествие»), Александра Твардовского («Теркин»), Ольги Берггольц («Февральский дневник») и многих других. Издательская судьба этих сочинений сложилась более или менее удачно. Однако одновременно большая группа известных и не очень известных писателей, поэтов, критиков попали под удар политических проработок. Их произведения были объявлены «идеологически вредными».

В начале декабря 1943 г. начальник УПА Г. Ф. Александров, его заместитель А. А. Пузин и заведующий отделом художественной литературы А. М. Еголин, подводя итоги проделанной работы за год, информировали секретарей ЦК ВКП(б) Маленкова и Щербакова о «грубых политических ошибках» журналов «Октябрь», «Знамя» и «Новый мир». В информации трех руководящих работников УПА громились стихотворения И. Сельвинского, пьеса В. Катаева «Синий платочек», первая часть повести М. Зощенко «Перед восходом солнца», повесть А. Довженко «Победа», рассказ А. Платонова «Оборона Семидворья», рассказ П. Лукницкого «Сила победы», Б. Лавренева «Старуха», очерки Ф. Панферова «Люди Урала», рассказ Ю. Слезкина «Старики», повесть А. Письменного «Край земли» и другие³. Были среди раскритикованных произведений и вещи безусловно «малохудожественные», но не они вызвали особый гнев⁴.

Наиболее скрупулезному «критическому анализу» подверглось творчество Сельвинского, Зощенко, Довженко и Платонова. В записке, в частности, говорилось: «В журнале “Октябрь” (№ 6–7 и № 8–9

за 1943 г.) опубликована пошлая, антихудожественная и политически вредная повесть Зощенко “Перед восходом солнца”. Повесть Зощенко чужда чувствам и мыслям нашего народа... Зощенко рисует чрезвычайно извращенную картину жизни нашего народа... Вся повесть Зощенко является клеветой на наш народ, опошлением его чувств и его жизни»⁵. Сельвинскому досталось за стихотворение «Кого баюкала Россия», опубликованное в «Знамени» (№ 7–8). Обвинение за стихотворение «Эпизод», предъявленное журналу «Октябрь», дословно звучало так: «Цинично воспекает войну за то, что она дала ему счастье обладать молодой девушкой с Кубани»⁶. В повести Довженко были найдены «чуждые большевизму взгляды националистического характера»⁷. О рассказе Платонова «Оборона Семидворья», опубликованном в сдвоенном номере журнала «Знамя» (№ 5–6) за 1943 г., сообщалось, что произведение «написано плохим, вычурным языком», а «образы героев — советских бойцов и командиров — оглушены». Последнее замечание было заимствовано из критической статьи Ю. Лукина «Неясная мысль», напечатанной в «Правде» 8 июля 1943 г. Затем и «Знамя» присоединилось к критике своего автора в статье В. Смирновой «Холодненькими словами...» (1943. № 9–10). К перечисленным грехам прибавились замечания о наличии в рассказе «вздорных рассуждений» и «нелепых изречений»⁸.

Завершалась докладная многообещающе грозно: «Президиум Союза Советских Писателей, органами которого являются литературно-художественные журналы, совершенно не руководит их работой. Редакционные коллегии литературно-художественных журналов не работают... Несмотря на неоднократные указания ЦК ВКП(б) о необходимости коренного улучшения постановки литературной критики, со стороны Президиума и лично тов. Фадеева не были приняты меры к повышению роли и значения литературной критики. Литературно-критические выступления тов. Фадеева на совещаниях писателей малосодержательны, абстрактны и нередко ошибочны».

Авторы записки напомнили секретарям ЦК о неоднократных за последние три с лишним года «прямых указаниях» Союзу писателей «об улучшении работы литературно-художественных журналов, а также о творческой работе писателей и критиков (беседа товарища Сталина с писателями в 1940 году; решение ЦК ВКП(б) “О литературно-художественных журналах” в 1939 году; решение ЦК ВКП(б) “О литературной критике и библиографии” в 1940 году; решение ЦК ВКП(б) о рассказе Каплера, опубликованном в газете “Правда” в 1942 году и др.)». Вина за сложившееся положение вещей была полностью возложена на руководителя писательского

корпуса: «Президиум ССП и лично т. Фадеев не сделали для себя необходимых вводов из этих указаний, не ведут воспитательной работы среди писателей и не оказывают никакого влияния на их творческую работу. Творческие секции Союза писателей — поэзии, прозы, драматургии работают... Управление пропаганды считает необходимым принять специальное решение ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах»⁹. Так в 1943 г. была высказана идея о постановлении ЦК, реализованная в 1946 г.

Пока же непосредственным итогом обращения Александрова, Пузина и Еголина к секретарям ЦК ВКП(б) стало обсуждение журнала «Октябрь» на заседании Президиума ССП СССР 6 декабря. В повестке дня этого заседания значился лишь один вопрос: «Обсуждение журнала “Октябрь”». Основным же поводом к обсуждению работы этого издания, как вскоре выяснилось, стала публика первой части повести Михаила Зощенко «Перед восходом солнца».

Ответственный секретарь журнала М. М. Юнович разъяснила что «редакционная коллегия не работала по той причине, что членов редколлегии не было в Москве». Но понимая, что от нее ждут не объяснений, а покаяния, Юнович заявила: «Эта книга массовому читателю не нужна». «Повесть Зощенко, — говорила она, — уводит сознание в мир мелких, лишенных больших общественных идей и целей»¹⁰.

Такая критика не устроила Фадеева. Он признал, что «черты этой обывательщины еще существуют, к сожалению, в природе советского общества, но если считать уровень наших людей таковым, то тогда не понятно, что мы за государство, что мы за народ? Вопрос остался без ответа. А. Фадеев продолжал высказывать мысли вслух: «Мы писатели, что мы? Мы же не холуи в нашем государстве, мы же отвечаем за наше государство». Он напомнил присутствующим, что Союз писателей — «боевое содружество». Поэтому перед публикацией произведение «должно быть обсуждено у нас». Причем, как он уточнил, «коллективным разумом». Из-за отсутствия такого «обсуждения», по мнению писательского вожака, и «получаются такие неприятности»¹¹.

Досталось и Сельвинскому за стихотворение «Кого баюкала Россия». Фадеев остался недоволен «панибратством» поэта с Россией. Раздражение вызвали следующие строки: «Люблю тебя до слез, до бормотанья». Строка «Страна пригреет и урода», вырванная из контекста стихотворения, в итоге послужила основанием к следующему выводу: «Он (Сельвинский. — Д. Б.) начинен этой ерундой, чуждым представлением о государстве, о родине»¹².

Впрочем, вскоре присутствующие вернулись к основному объекту обсуждения — повести М. Зощенко. Критический настрой,

заданный Фадеевым, отчетливо прозвучал в выступлениях Гальперина, Скосырева, Кирпотина и Ковальчик. Последняя, в частности, заявила: «Все, кто исповедует правду о советском обществе, не могут принять эту вещь»¹³. И все-таки единства не было. Первой, и довольно решительно, за писателя вступилась Ольга Форш, отказавшись, в отличие от Фадеева, подводить под произведение «антинародный и чуть ли не контрреволюционный базис»¹⁴. С. Я. Маршак после услышанной резкой критики не побоялся высказать следующее мнение: «Зощенко мы любим давно. Это блестящий писатель... Вещь сделана, конечно, с самыми лучшими намерениями, это совершенно очевидно... Не надо учить Зощенко, он прекрасно понимает, что такое литература»¹⁵.

Наметившийся поворот в обсуждении повести (Маршак выступал сразу после Форш) не устроил присутствовавшего на заседании заместителя начальника УПА П. Н. Федосеева, который по решению ЦК со 2 декабря курировал «Октябрь». Критические выступления поддержал начальник Федосеева — Александров, обвинив произведение в «бестактности»¹⁶.

Наконец слово предоставили и «обвиняемому». Зощенко пожаловался: «Здесь я чувствую какую-то враждебность, которую я не заслуживаю... неуважение, какого я не испытывал за все 22 года моей работы». «Вы признаете мой опыт неудачным, — говорил далее писатель, — ...я считаю, что я прав абсолютно... вы же не читали моей книги (опубликована в журнале была только первая часть работы. — Д. Б.)... Это же непрофессиональный подход»¹⁷.

Выступивший следом критик П. Юдин, казалось, не услышал замечания Зощенко о «непрофессионализме» и заявил: «Те две части — это антиморальная вещь... То, что напечатано, производит впечатление, что человек повернулся к народу, к войне, к задачам нашего государства задней частью, плюнул на все и копается в своем мусоре»¹⁸. На основании «обмена мнениями» 22 декабря появилось закрытое постановление Президиума ССП СССР «О журнале “Октябрь” за 1943 год». Это решение Фадеев направил для сведения в ЦК на имя А. Жданова, Г. Маленкова и А. Щербакова¹⁹.

Что же все-таки стояло за столь неожиданным принятием центральным литературным журналом «неловкой», малосозвучной тому времени первой части повести Зощенко и столь же стремительным запрещением дальнейшей публикации произведения?

В отечественной и зарубежной историографии этот сюжет рассматривался достаточно подробно. Из публикации Ю. В. Томашевского известно о вызове писателя из Алма-Аты и состоявшейся вскоре беседе в УПА, где ему предложили «ускорить работу над повестью»²⁰. Поддержка была оказана со стороны заведующего отделом художе-

ственной литературы УПА А. Еголина — члена Союза писателей, известного литературоведа, направленного в ЦК для укрепления аппарата квалифицированными кадрами. Вера Владимировна Зоценко — жена писателя — в своем письме к Сталину, написанном после постановления о ленинградских журналах, вспомнила про этот эпизод с мужем так: «Весной 43 года он был вызван в Москву для работы в журнале “Крокодил”, а затем, по настоянию профессора Еголина, принялся за работу над окончанием своей повести, которую пр.[офессор] Еголин считал “гениальным” произведением и печатать которую разрешил не дождавшись даже ее конца... Кроме лестных отзывов тт. Еголина и Орловой (сотрудник УПА. — Д. Б.), а также ряда писателей, повесть получила блестящие отзывы пр.[офессора] Сперанского, ученика великого Павлова, и главного психиатра Красной армии т. Тимофеева, оценивших ее с точки зрения “научности”»²¹.

Окрыленный таким серьезным покровительством, писатель работал почти без сна. В письме к жене сообщал: «Устал безумно... Напряжение такое, что не без труда лежу и сижу. Но закончить надо»²². В послесловии к повести Зоценко написал: «Последние строчки этой книги я дописываю в октябре 1943 года. Я сижу за столом в своем номере на десятом этаже гостиницы “Москва”»²³.

26 ноября, сидя за этим же столом, после отказа редакции «Октября» публиковать продолжение повести, писатель обратился с письмом-объяснением к Сталину, в котором пытался опровергнуть официальную негативную точку зрения на первую часть своей книги. «Это антифашистская книга, — убеждал Зоценко вождя. — Она написана в защиту разума и его прав... Книга моя, доказывающая могущество разума и его торжество над низшими силами, нужна в наши дни. Она может быть нужна и советской науке. Ради научной темы я позволил себе писать, быть может, более откровенно, чем обычно принято. Но это было необходимо для моих доказательств. Мне думается, что эта моя откровенность только усилила сатирическую сторону — книга осмеивает лживость, пошлость, безнравственность».

Через полтора месяца — 8 января 1944 г., — убедившись в отсутствии каких-либо попыток объективно разобраться в его деле, Зоценко отправил заявление на имя Щербакова. Если в письме к Сталину он просил «ознакомиться с... работой» и «дать распоряжение» проверить ее «более обстоятельно... проверить целиком», то в заявлении Щербакову отчетливо звучали ноты раскаяния: «Я глубоко удручен неудачей и тем, что свой опыт произвел несвоевременно... Сердечно прошу простить меня за оплошность — она была вызвана весьма трудной задачей, какая, видимо, была мне не под силу».

Пока писатель, надеясь на понимание, ждал ответа на свое заявление, события принимали все более угрожающий характер. На стол секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде (в недавнем прошлом — заместитель начальника УПА) А. И. Маханова лег первый вариант отклика разгневанных читателей: инженера В. Горшкова, рабочего-слесаря Г. Ваулина, учительницы Л. Рутковской и инженера П. Большакова. Сейчас уже невозможно установить, стояли ли за этими именами реальные люди, а если и стояли, то писали или просто подписывали подготовленный текст. (Во всяком случае, есть основание полагать, что со статьей был знаком Вс. Вишневский. Так, в сентябре 1946 года, он в своем первоначальном варианте интервью для американского левого журнала «Нью Массес» сообщал: «Дело было в 1943 году. Ленинград выступил с протестом против клеветника, пасквилянта (Зощенко. — Д. Б.)... Рабочие Радиозавода, работавшие 730 суток под огнем немцев — написали решительное письмо-протест»²⁶. В данном случае не важно, что «рабочие» были представлены только Г. Ваулиным. Такие, пусть и не совсем точные, подробности мог знать лишь непосредственный участник событий.) Маханов же обратился за советом к Жданову: «Товарищу Жданову А. А. Направляю Вам статью “О вредной повести”, написанную группой читателей. Статья выражает возмущение и протест против повести Зощенко “Перед восходом солнца”. Прошу разрешить опубликование статьи в газете “Ленинградская правда”. 11.1.44 г. А. Маханов». Адресат отреагировал так: «1. Лучше сказать: Об *одной вредной* повести. 2. Лучше было бы изрядно сократить раздел по *защите наших* великих писателей от обвинений их в отсутствии патриотизма и любви к Родине, т. к. к ним такое обвинение не пристанет, с тем, чтобы еще усилить нападение на Зощенко, которого нужно расклевать, чтобы от него мокрого места не осталось. 3. Это должно пойти не в “Л[енинградскую] правду”, а в “Правду”. Жд[анов]»²⁷. Учтя эти замечания, Маханов направил Жданову новый вариант статьи. На этот раз текст удовлетворил секретаря ЦК и он снял только указание профессий авторов, заменив их припиской: «ленинградские рядовые читатели». Со статьей были ознакомлены также Щербаков и Александров, которые уже окончательно решили опубликовать ее во 2-м январском номере «Большевика» за 1944 г. Появление этой статьи грозило писателю многими бедами, так как, согласно воле Жданова, она была написана в лучших традициях тогдашней критики. Ее содержание и ряд формулировок предвосхитили принятое через два года постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

Авторы статьи — страстные разоблачители — выражений не выжирали и представили их целый набор: «...Это грязный плевок в лицо

нашему читателю... Зощенко искал заплеванного обывателя... герои его произведений — это пакостники... пошлое и вредное произведение...». Критикуя повесть Зощенко в печати, авторы статей каждый раз «забывали» одну существенную деталь. Все дело в том, что шельмовали они не первую часть книги, напечатанную в журнале, а как бы законченное произведение. В этой связи целесообразно привести цитату из книги воспоминаний В. Каверина, который так отзывался об этой публикации: «Первая часть выглядела неловкой, бестактной, и, конечно, М. М. Юнович сделала ошибку, не напечатав всю книгу... Между тем первая часть написана ради второй. В ней Зощенко пытается объяснить психологическую сущность фашизма, и тогда шестьдесят два рассказа — примера из личной жизни — оказываются необходимыми, становясь на место»²⁹.

Жесткие и категоричные оценки творчества М. Зощенко и других писателей содержались в опубликованной некоторое время спустя в 3-м и 4-м номерах журнала «Большевик» статье Н. Тихонова «Отечественная война и советская литература», в основу которой был положен доклад на Пленуме ССП в начале февраля 1944 г.

Некоторое представление о том, что произошло за время между писательским пленумом и публикацией статьи в «Большевике» и что заставило давнего приятеля Зощенко Тихонова столь быстро изменить свою позицию, дает беседа агента НКГБ с Зощенко 20 июля 1944 г., отложившаяся в материалах УПА. Тридцать один вопрос и столько же ответов были присланы для сведения в аппарат ЦК. Был среди этих вопросов и такой: «Как оценивает Вашу повесть Тихонов?» Зощенко ответил: «Он хвалил ее. Потом на заседании Президиума объяснил мне, что повесть “приказано” ругать, и ругал, но ругал не очень зло. Потом, когда стенограмма была напечатана в “Большевике”, я удивился, увидев, что Тихонов меня так жестоко критикует. Я стал спрашивать его, чем вызвана эта “перемена фронта”? Тихонов стал извиняться, сбивчиво объяснил, что от него потребовали усиления критики, и он был вынужден критиковать, исполняя приказ, хотя с ним и не согласен»³⁰.

Высказывания писателя свидетельствовали о том, что он в полной мере осознавал замыслы организаторов травли. Отвечая на вопросы о причинах «выступления против... повести “Перед восходом солнца”», Зощенко заявил прямо, что критика повести — не что иное, как “попытка повалить” его “вообще, как писателя”. А услышав следующие вопросы: “Кто был заинтересован в этом? Ваши литературные враги?” — он сразу попал в точку: “Нет, тут речь могла идти о соответствующих настроениях вверху»³¹. Чем были вызваны эти антизощенковские «настроения вверху», писатель прекрасно понимал, что и продемонстрировал, позволив себе политически

невыдержанные высказывания. «Вскоре после войны, — говорил он, — литературная обстановка изменится и все препятствия, поставленные мне, падут. Тогда я буду снова печататься. Пока же я ни в чем не изменюсь, буду стоять на своих позициях...

Вопрос. Как Вы оцениваете общее состояние нашей литературы?

Ответ. Я считаю, что литература советская сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон... Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели.

Вопрос. Как Вы расцениваете партийное руководство литературой?

Ответ. Руководить промышленностью и железнодорожным транспортом легче, чем искусством»³².

Какие же подспудные причины вызвали кампанию против М. Зощенко?

Исследователь В. Волков приходит к следующему выводу: именно с этого времени началась «многоходовая комбинация, которую Маленков разыгрывал против Жданова», где одной из центральных фигур стал М. Зощенко³³. Вывод вполне справедлив. Но он не до конца учитывает роль в этой истории Щербакова, контролирующего в Москве УПА. Называть его ставленником Маленкова вряд ли было бы справедливо. Наметил его для работы с писателями, а затем и для работы в аппарате ЦК Сталин по рекомендации Жданова³⁴. Еще в 20-е гг. их пути пересеклись, когда Щербаков был в подчинении Жданова в Нижегородской губернии, а затем когда он стал вторым секретарем Ленинградского обкома партии. Во всяком случае Щербакова скорее можно представить выдвиженцем Жданова. Нельзя забывать факт публикации повести Зощенко в московском журнале, что бросало тень прежде всего на УПА в Москве, а не на ленинградские издания. Что же касается статьи в «Большевике», инспирированной Ждановым, то вполне возможно, что она сыграл роль громоотвода.

Сам Зощенко был убежден, что неожиданное выступление против его книги было связано со следующей причиной. «Дело в том, — говорил он агенту НКГБ, — что многие мои произведения перепечатывались за границей. Зачастую эти перепечатки были недобросовестными. Под рассказами, написанными давно, ставились новые даты. Это было недобросовестно со стороны “перепечатчиков”, но бороться с этим я не мог. А так как сейчас русского человека описывают иначе, чем описан он в моих рассказах, то это и вызвало желание

“повалить” меня, так как вся моя писательская работа, а не только повесть “Перед восходом солнца”, была осуждена “вверху”³⁵. В письме к Сталину в 1946 г. Зощенко опять будет оправдываться, полагая, что это немаловажно: «Белогвардейские издания нередко печатали мои рассказы иной раз искажая их, а подчас приписывая мне то, что я не писал»³⁶.

Кампания в отслеживании «вредных произведений» продолжала набирать обороты. С лета 1943 г. в качестве обвиняемых были выдвинуты киноповести Александра Петровича Довженко, которые заняли особое место в ряду репрессированных в эти годы произведений литературы.

В июле Александров направил «наверх» докладную, содержащую обвинения в изобилии фальшивых положений, небрежных и двусмысленных выражений в повести «Победа». В результате, с согласия Щербакова, ее запретили к публикации в «Знамени».

Все же первое испытание, выпавшее на долю художника, не остановило его творческих планов. В августе 1943 г. председатель комитета по делам кинематографии И. Г. Большаков представил на рассмотрение секретарей ЦК Андреева, Маленкова и Щербакова тематический план художественных фильмов на 1943–44 гг. В списке картин была заявлена киноэпопея «Украина в огне» автора и режиссера Довженко, рассказывающая «о страданиях Украины под пятой немецких оккупантов, о борьбе украинского народа за честь и свободу Советской Родины»³⁷.

Повесть с одноименным названием была подготовлена в ноябре 1943 г. и к печати в «Знамени». Ответственный секретарь журнала Е. Н. Михайлова, предоставившая второй раз страницы своего журнала для работы Довженко, памятуя о первой своей попытке, теперь решила подстраховаться. Девятнадцатого числа она направила повесть в ЦК на имя Щербакова. Типографский текст произведения предворяла ее записка: «...Направляем Вам верстку киноповести А. Довженко “Украина в огне”. Это окончательный вариант, в который внесены все авторские добавления и исправления. В верстке восстановлен авторский текст, поскольку тов. Довженко возражал против всякой редакционной правки. Редакция считает стилистическую правку незавершенной. Корректорская правка в отгисках не произведена...»³⁸.

В ответ, по указанию Сталина, секретарь ЦК и заместитель наркома обороны Щербаков предпринял ряд решительных действий против «Украины в огне». Довженко напроць, до особых указаний ЦК ВКП(б), «отрезали» буквально от всех изданий. Было проведено специальное совещание редакторов центральных газет и литературно-художественных журналов, на котором были даны

«соответствующие указания о повести Довженко». Но и эти меры показали недостаточными. В начале февраля 1944 г. в адрес украинских областных партийных комитетов, всех ответственных секретарей крупных журналов и газет, редакторов издательств (всего 29 адресатов) рассылается следующий текст письма: «ЦК ВКП(б) обращает Ваше внимание на то, что в произведениях украинского писателя и кинорежиссера Довженко А. П., написанных за последнее время (“Победа” и “Украина в огне”), имеют место грубые политические ошибки антиленинского характера. Ввиду этого ЦК обязывает Вас не публиковать произведений Довженко без особого на то разрешения Агитпропа (речь идет об УПА. — Д. Б.) ЦК ВКП(б). Секретарь ЦК ВКП(б) А. Щербаков»³⁹. Те же действия в отношении произведений писателя были продублированы и по линии Главлита.

В феврале (документ не датирован) 1944 г. в УПА из-под пера известного сотрудника ЦК (возможно, зам. УПА М. Т. Иовчука) появляется выдержанный в агрессивном стиле документ на 14 машинописных страницах «Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко “Украина в огне”. Материал, представленный Щербакову, показался ему небезупречным, и он лично вносит изменения в текст. Что же инкриминировалось автору повести? Остановимся вкратце на основных, «ударных» обвинениях в его адрес. Во-первых, «Довженко ревизует политику и критикует работу партии по разгрому классовых врагов советского народа... Довженко выступает здесь против классовой борьбы, он пытается опорочить политику и всю практическую деятельность партии по ликвидации кулачества как класса». Во-вторых, «Довженко осмеливается... критиковать политику и практические мероприятия большевистской партии и советского правительства, направленные на подготовку советского народа, Красной Армии и нашего государства к нынешней войне»⁴¹. В-третьих, «Довженко критикует политику партии в области колхозного строительства»⁴². В-четвертых, и это, пожалуй, вызвало особый гнев властей: «Критикуя работу нашей партии и правительства по воспитанию народа, Довженко не останавливается перед извращением истории Украины с целью оклеветать национальную политику советской власти»⁴³. Среди многочисленных обвинений прозвучало и такое: «Клеветает Довженко и на наш партийный, советский актив и командные кадры Красной Армии, изображая их карьеристами, шкурниками и тупыми людьми, оторванными от народа»⁴⁴. А вот и совсем типичная фраза из партийного лексикона того времени: «Стоило бы только напечатать киноповесть Довженко и дать прочесть народу, чтобы все советские люди отвернулись от него, разделали бы Довженко так, что от него осталось бы одно мокрое место!»⁴⁵

26 февраля 1944 г. на пленуме МГК Щербаков, используя положения материала «Об антиленинских ошибках... Довженко», теперь прилюдно обрушился против «Украины в огне»⁴⁶.

В довершение ко всему в ход было запущено еще одно классическое средство возмездия системы за непослушание — постановление ЦК. Правда, на сей раз ответственное дело было поручено «украинским товарищам». В специальном постановлении Политбюро ЦК КП(б) Украины от 12 февраля, которое подписал Н. С. Хрущев, Довженко был освобожден от всех занимаемых должностей и постов⁴⁷.

Несмотря на все эти мероприятия, цензурная система дала сбой. Каким-то чудом 19 марта 1944 г. к печати подписывается и выходит 4-й номер «Знамени» с рецензией на рассказы «выдающегося кинорежиссера» А. Довженко. Возможно, это лишь усилило «охоту» на писателя.

Не случайно на протяжении 1944–1945 гг. имя Довженко продолжало упоминаться в донесениях агентуры НКГБ и записках ЦК, в которых его обвиняли в национализме и «отходе от нашей идеологии».

Писатель, пытавшийся проявить независимость, осмелившийся откровенно, без набивших оскомину догм показать различные стороны действительной жизни страны, настроений и поступков людей, подвергался остракизму.

Переживания художника отразились спустя два года в дневнике поразительными словами, обращенными к своим гонителям: «Я противен вам и чем-то опасен... И вы дождались случая расправиться с моим именем. И вы меня убили. Больше, чем убили. Вы растоптали меня, опозорили и живого объявили мертвым... Я не знаю ничего на свете, и не читал ничего, и не слушал ничего глупее государственных методов и практики производства картин в нашей стране. Я напрасно погубил свою жизнь. Девяносто процентов лучших моих сил, времени ушло в воздух, в ничто, в руки кретинов»⁴⁸.

Непросто в эти годы складывалась и творческая судьба Николая Николаевича Асеева. В ноябре 1943 г. УПА усмотрел «ряд политически ошибочных стихотворений», написанных поэтом в эвакуации в Чистополе.

Но его конфликт с властями, а точнее с редактором «Правды» П. Н. Поспеловым и его заместителем Е. М. Ярославским, начался задолго до этого времени. Находясь в Чистополе и окунувшись в жизнь тыла, Асеев не идеализировал ее, в то время как его редакторы хотели бы видеть в ней исключительно слаженный, без изъянов механизм, действующий под лозунгом «Все для фронта, все победы!». Искренние стихи поэта, не укладывающиеся в этот трафарет,

не устраивали. Несправедливая критика, запрет на публикацию произведений надолго выводили поэта из душевного равновесия.

Из писем Асеева редакторам «Правды» видно, что он много и вдохновенно работал. Отстаивая свое право на свободу творчества, болезненно воспринимал вынужденные паузы в работе над поэмой «Пламя победы», первоначально называвшейся «Отмщение».

В январе 1942 г. Асеев получил письмо из газеты, в котором Поспелов и Ярославский советовали поэту «набраться боевых впечатлений», быть «ближе к фронту и ближе к жизни». В письме прозвучал также упрек в стремлении поэта «отсидеться в тылу». Упрек, кстати, последовал после подробного объяснения Асеева в невозможности по чисто техническим причинам к такому переезду в зимнее время. В ответ поэт написал очень резкое письмо. Письмо заканчивалось словами: «Больше ни с письмами к Вам, ни со стихами в газету я обращаться не буду»⁴⁹.

Этот конфликт разрешился в сентябре 1942 г., когда в «Правде» появилось стихотворение Асеева «Спасите, братья!». С этого времени и до осени 1943 г. поэт активно работал. Его стихи появлялись в «Красной звезде», «Труде», «Гудке», журналах. Но затем наступает период затишья.

Поэт направил письмо Сталину в стихотворной форме. В одном из черновых вариантов послания он более эмоционально и резко, чем в отосланном оригинале, выразил протест по поводу поведения Ярославского:

В дверь к начальству не входить без стука,
Прождая годы, не часы,
Боже мой, какая это скука —
Емельяна пыльные усы.

В окончательном варианте Асеев заменил Емельяна на абстрактный персонаж:

Какая это скука —
пыльные
редактора усы!⁵⁰

Смягчая в своем послании выпады против конкретных носителей идеологии «непущательства», Асеев решительно протестовал против рабской зависимости поэта от воли политиканствующих редакторов. В стихотворном послании он высмеивал «послушание и сноровку» одних, вынужденных приспособляться, и «сфинкса упрощенное подобье, воздетое к партийным небесам», — других⁵¹.

Естественно, что такая критика не могла пройти бесследно. Впрочем, письма на имя Сталина во время войны (не только Асеева) до адресата не доходили, как правило, они переправлялись Щербакову.

Не дождавшись ответа Сталина и обратившись 2 декабря 1943 г. с просьбой о содействии в публикации сборника «Годы грома» к первому заместителю Государственного Комитета Обороны В. М. Молотову, Асеев здесь вновь отстаивал право на свободу творчества, справедливо отмечая при этом, что «неопубликованные стихи, как нескошенное поле, не дают места новым»⁵². Этот документ развенчивает мнение о якобы имевшем место творческом упадке, застое поэта. Асеев сообщал, что «стол мой завален стихами». Но со времени обращения его к Сталину отношение «властей предрержащих» к нему стало меняться. Ему приходилось «складывать свои стихи в стол». 21 декабря В. Молотов направил письмо Асеева (без «указующей» резолюции и комментариев) А. Щербакову и Г. Александрову, то есть тем лицам, которые уже запретили книгу, набранную и сверстанную в Гослитиздате. Если тогда поэт не мог понять причин отказа в ее издании, то из докладных записок Г. Александрова, направленных А. Щербакову и А. Жданову в конце ноября 1943 г., ясно, что речь шла о «политически ошибочных» стихотворениях «Москва — Кама» и «Городок на Каме», «клеветнически изображающих наш тыл», а потому «вредных»⁵³. Асеева вызвали в ЦК, где, по его словам, его ругали за то, что он «не воспитывал своей книжкой ненависти к врагу»⁵⁴.

Не избежал «высочайшей» оценки и поэт Илья Львович Сельвинский. В конце ноября 1943 г. Александров по поручению Маленкова подготовил проект постановления Секретариата ЦК «Об ошибках в творчестве И. Сельвинского». Там, в частности, говорилось: «ЦК ВКП(б) предупреждает т. Сельвинского, что повторение подобных ошибок (речь шла об опубликованных или только представленных журналам стихотворениях — «России», «Кого баюкала Россия» и «Эпизод». — Д. Б.) поставит его вне советской литературы».

Лев Озеров приводит в своей статье дневниковые записи Сельвинского, из которых следует, что поэт направлялся по срочному вызову в Москву, думая о предстоящем награждении. До этого он уже дважды был отмечен правительством двумя боевыми орденами. Вместо этого он оказался на заседании Оргбюро ЦК, которое вел Маленков. Речь сразу зашла о его стихотворении «Кого баюкала Россия». Выступление Маленкова, напоминающее скорее допрос, не предвещало ничего хорошего: «Кто этот урод?.. Вы нам тут бабки не заколачивайте. Скажите прямо и откровенно: кто этот урод? Кого именно имели вы в виду? Имя?» Ошеломленный Сельвинский пытался

оправдываться: «Я имел в виду юродивых». Кажется, его оправдания никому не нужны. «Неправда, — прикрикивает Маленков. — Умел воровать, умей и ответ держать!» В этот момент Сельвинский понимает, что «здесь имеют в виду Сталина: лицо его изрыто оспой, мол, русский народ пригрел уroda». «Неизвестно как и откуда, — вспоминал поэт, — в комнате появился Сталин... взглянул на меня: “С этим человеком нужно обращаться бережно, его очень любили Троцкий и Бухарин...” Я понял, что тону. Сталин уже удалялся. “Товарищ Сталин! — заторопился я ему вдогонку. — В период борьбы с троцкизмом я еще был беспартийным и ничего в политике не понимал”. Сталин... подошел к Маленкову... И сказал: “Поговорите с ним хорошенько: надо... спасти человека”».

Вот как описал фронтовик Сельвинский свое состояние и впечатления после вызова на Старую площадь: «Возвратился домой совершенно разбитым: на Оргбюро я шел молодым человеком, а вышел оттуда — дряхлым стариком. Боже мой! И эти люди руководят нашей литературой!»⁵⁵

Трудно переоценить это свидетельство поэта. Документальные материалы ЦК об этом историческом «разборе» исследователям пока недоступны. А может и не сохранились вовсе. Первое, что бросается в глаза — бдительность Маленкова. Щербакова, отвечающего за идеологию, Александров поставил перед фактом подготовленного проекта постановления 26 ноября буквально накануне заседания Секретариата. На следующий день помощник секретаря ЦК сделал пометку на записке начальника УПА: «т. Щербаков ознакомлен. Крапивин. 27.XI». Да и само заседание «активно» вел Маленков. Безусловно, его неусыпное бдение должно было импонировать вождю. Если бы не сталинское: «надо спасти человека», неизвестно, чем бы для Сельвинского закончилось «обсуждение» его творчества. Дневниковые записи поэта дополняются архивными материалами. О содержании беседы на Секретариате подробно рассказывал А. Щербаков на пленуме МГК 26 февраля 1944 г.⁵⁶

«Дела» Зоценко, Довженко, Асеева, Сельвинского и других составили ту цепочку «провалов», которые, по выражению А. Щербакова, характеризовали положение на «литературном фронте» в 1943 г. Эти «провалы» привели к снятию Председателя Правления ССП А. Фадеева со своего поста. В речи нового Председателя Н. Тихонова на IX пленуме Союза писателей в начале февраля 1944 г., а также в выступлении Г. Александрова теперь уже публично подверглись критике «вредные произведения» Асеева, Довженко, Зоценко и Сельвинского. Каждому из них, как говорится, досталось, но нужно отдать должное позиции Тихонова. Он старался, чтобы критика в адрес писателей прозвучала сравнительно мягко. Мягко настолько, что «избранный»

на этом же пленуме оргсекретарем правления ССП Д. А. Поликарпов, заместитель начальника УПА и одновременно председатель Радиокomiteта, 23 февраля поспешил доложить А. Щербакову и Г. Маленкову: «Докладчик не заострил внимания участников пленума на политически вредных явлениях в литературе. Если пошлая повесть Зощенко была предметом критики, то клеветнические стихи Асеева и Сельвинского не получили острой политической оценки. Этим в известной мере и объясняется, что выступающие на пленуме писатели почти не касались клеветнических выпадов против советской действительности, допущенных Зощенко, Асеевым, Сельвинским, Довженко»⁵⁷. Иначе выглядело выступление Г. Александрова. Под занавес, не услышав ожидаемого осуждения, он взялся за это дело сам. Больше всего грязи было вылито на Довженко и Зощенко, которого Александров объявил писателем, изображающим только развратников, жуликов и шарлатанов.

В целом реакции писателей на «клеветнические выпады против советской действительности» практически не ощущалось. Но это вовсе не означало согласия с официальной критикой. Среди 54 выступивших на пленуме не нашлось ни одного, открыто поддержавшего погром Александрова. Но не было с их стороны и достойного осуждения его точки зрения. Однако и молчание в тех условиях — тоже форма протеста. Более того, Л. Сейфуллина, не первый раз выручавшая своих коллег, попавших в беду, попыталась оправдать и защитить Зощенко.

Зловещими, не оставляющими надежд на послабление в методах идеологической работы выглядели и события, происходившие в недрах партаппарата. 2 декабря 1943 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял упомянутое закрытое постановление «О контроле над литературно-художественными журналами», обвинив УПА в «слабом контроле» за выпускаемой в стране литературой (в качестве примера были приведены повесть Зощенко и стихотворение Сельвинского «Кого баюкала Россия»). Секретариат ЦК, по предложению А. Щербакова, возложил ответственность за публикации в «Новом мире» лично на Г. Александрова, а в журналах «Знамя» и «Октябрь» на его заместителей — А. Пузина и П. Федосеева⁵⁸.

На следующий день Секретариат ЦК проголосовал за постановление «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов», в котором В. Щербине, Е. Михайловой и М. Юнович предписывалось «повысить требовательность к качеству публикуемых... произведений» с тем, чтобы полностью исключить «появление в журналах антихудожественных и политически вредных произведений». Таким образом Щербаков пытался перехватить инициативу у Маленкова. И, пожалуй, это ему удалось.

Писательским делам было посвящено совещание работников УПА, проходившее 31 марта 1944 г. у Щербакова. С докладом о положении в художественной литературе выступил Еголин, который сообщил: «Сейчас готовятся решения по каждому в отдельности [литературно-художественному] журналу о коренной перестройке, потому что работают журналы еще плохо»⁶⁰. Мероприятия по перестройке безусловно должны были, по мнению Еголина, улучшить «руководство художественной литературой».

В начале апреля аппарат УПА подготовил проект записки в Центральный Комитет «О мероприятиях по улучшению агитационно-пропагандистской работы». Там, в частности, говорилось: «Учитывая, что литературно-художественные журналы “Знамя”, “Новый мир”, “Октябрь”, “Звезда” поставлены неудовлетворительно, печатают малохудожественные, а иногда политически вредные произведения, подготовить и внести на рассмотрение ЦК ВКП(б) предложения по коренному улучшению каждого из этих журналов»⁶¹.

Первый удар пришелся по журналу «Знамя». 4 апреля ответственные работники УПА А. Еголин и М. Иовчук доложили А. Щербакову о политической ошибке ответственного секретаря журнала Е. Михайловой, принявшей к печати статьи Ю. Юзовского «Критический дневник», Е. Усиевич «Непокоренные» и Л. Озерова «Об украинской поэзии военных лет», в которых «пропагандировались неправильные взгляды»⁶².

О недовольстве работой журнала в ЦК стало известно в Союзе писателей. 21 апреля последовала реакция на сигнал о «недостатках» — заседание Президиума ССП, на котором был заслушан «Отчет за 1943 год журнала “Знамя”».

5 мая 1944 г. Александров и Федосеев направили Щербакову информацию «О контроле за выходящей литературой», как бы подытоживающую их деятельность за годы войны. Достижения Управления в области тотального контроля за выходящей печатной продукцией во время войны, когда было установлено обязательное утверждение квартальных тематических планов издательств и предварительный просмотр всех журналов, всей политической, научной и художественной литературы, выглядели эффектно: только за 1943 г. к изданию (на стадии утверждения планов издательств, просмотра рукописей или версток) не были допущены 432 «недоброкачественные и даже вредные» книги. В качестве примера «вредной» книги была приведена работа Мариэтты Шагинян «Уральский город», в которой «клеветнически изображался советский Урал». Всего УПА задержало в 1942 г. 283 книги и брошюры и 163 плаката и лубка, а в 1943 г. 142 книги и брошюры и 215 плакатов и лубков. Кроме того, сюда еще не вошло «значительное число» статей, «задержанных» в журналах и газетах⁶³.

Александров и Федосеев жаловались на руководителей издательств и редакций газет и журналов, полагавшихся на предварительный просмотр и исправление материалов в Управлении, у них «понижилась ответственность... за идейное качество издаваемой литературы. Редакционные работники полагают, что Управление пропаганды должно ограждать их от ошибок, и не принимают мер к тому, чтобы исключать возможность повторения ошибок». Существенным недостатком повальной цензуры со стороны Управления было и удлинение времени прохождения материалов в печать. Работы объемом в 20–49 печатных листов лежали «на просмотре» от 2 недель до 2 месяцев.

Предполагалось значительное сокращение числа «просматриваемых» журналов. Вместо 11 изданий сохранялось «получение рукописей из редакций только трех журналов: “Знамя”, “Октябрь” и “Новый мир”»⁶⁴. Остальные должны были сдавать материал в набор самостоятельно, после получения разрешения на печать от цензуры. Возникающие замечания необходимо было согласовывать также только с цензурой. Предусматривалось также организовать последующий просмотр в Управлении пропаганды всех выходящих в стране книг, брошюр и журналов.

В связи с этой программой обращает на себя внимание интересный факт. В списке журналов, оставляемых для предварительного просмотра в УПА с 1944 г., указывались только центральные издания. А ленинградские журналы «Звезда» (тот, что в апреле 1944 г. был поставлен в один ряд с московскими журналами, печатающими политически вредные произведения) и «Ленинград», по которым через два года будет нанесен идеологический удар, были оставлены вне поля зрения ЦК. Можно только предполагать, насколько это произошло случайно.

На боязнь газет и журналов выступать с критическими разборами произведений, проверенных в Управлении, Александров и Федосеев отреагировали предложением провести в мае 1944 г. совещание заведующих критико-библиографическими отделами в изданиях. На нем предполагалось заслушать доклады редакций журналов «Новый мир», «Знамя» и газет «Известия», «Комсомольская правда» о выполнении решения ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» (1940). А затем «организовать в каждом номере общеполитических, литературно-художественных и технических журналов помещение критических и библиографических материалов»⁶⁵.

Завершали свой отчет руководящие работники ЦК достаточно бодро и самоуверенно: «Все данные мероприятия повысят ответственность авторов, издателей и редакторов журналов и работников органов цензуры за качество изданий». А. Щербаков, ознакомившись

с документом, разделил это мнение и поставил на первом листе документа лаконичную резолюцию: «Вопрос решен»⁶⁶.

Это самонадеянное заключение вскоре было опровергнуто. 4 августа 1944 г. Управление снова рассматривало вопрос о «Знамени». Крамолу на этот раз обнаружили Александров, Федосеев и Поликарпов. Но если четыре месяца за «недостатки» в работе спрашивали только с ответственного секретаря Е. Михайловой, то теперь претензии были предъявлены всей редколлегии, утвержденной ЦК еще в 1940 г. Кроме того, задним числом критике была подвергнута работа журнала и за 1943 г.

Жданова и Маленкова проинформировали о «серьезных недостатках и грубых ошибках» редколлегии журнала, допустившей к публикации «политически неправильные» статьи Ю. Юзовского и Е. Усиевич⁶⁷.

И если в апреле Щербаков не стал раздувать дело о журнале, то теперь, после вмешательства Жданова и Маленкова, предложения Управления были встречены с пониманием. 23 августа Оргбюро приняло специальное негласное постановление «О журнале “Знамя”»⁶⁸. Впрочем, судя по дальнейшему ходу событий, и эта мера не принесла желаемого результата. Несмотря на специальный инструктаж в ЦК, вскоре уже новой редколлегии журнала Александров и Федосеев указали на «серьезные ошибки» в подготовленном к печати в октябре седьмом номере журнала⁶⁹.

7 сентября 1944 г. Г. Александров и Еголин представили на рассмотрение Жданова «примерный состав редколлегий» журналов «Октябрь», «Новый мир», «Звезда», газет «Советское искусство» и «Литературная газета»⁷⁰. Тем самым воплощались намерения коренным образом «улучшить состояние» каждого издания.

В веренице этих событий свое место занимала информация наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова о политически вредных, враждебных настроениях Асеева, Зощенко, Сельвинского, Федина, Довженко, Чуковского и многих других, направленная на имя Жданова 31 октября 1944 г.⁷¹

К концу войны имен и произведений — и старых, и новых, — достойных осуждения в специальной партийной резолюции было достаточно. До событий лета 1946 г. оставался один год. Между тем судьбы будущих жертв идеологической кампании — А. Ахматовой и М. Зощенко — продолжали складываться вполне благополучно. В 1942 году «Правда» опубликовала на своих страницах стихотворение Ахматовой «Мужество», в 1943 г. в Ташкенте у поэтессы вышел сборник «Избранное. Стихи». Имя Ахматовой ни разу не появлялось в списке писателей, подвергавшихся «проработкам» в 1943–1944 гг. Не сгущались над ней тучи и позднее. Сборник «Стихи.

1909–1945» объемом 6 печатных листов и тиражом 10 тысяч экземпляров (достаточно солидным, по тем временам) был включен в план Гослитиздата на 1945 г. 20 июня 1945 г. этот план был представлен на Оргбюро ЦК, где книга Ахматовой была утверждена наряду с произведениями А. Толстого, Л. Леонова, Н. Тихонова, М. Шолохова, Б. Пастернака, Д. Бедного, С. Есенина и многих других. В 4-м номере журнала «Знамя» за 1945 г. были опубликованы стихи Ахматовой, на которые сотрудники ЦК еще обратят внимание. В марте 1946 г. в издательстве «Правда» была подписана к печати ее новая книга «Избранные стихи. 1910–1946», которую предполагалось выпустить тиражом в 100 тысяч экземпляров⁷².

Казалось бы, мог успокоиться и Зощенко. Реакция вождей в УПА на его повесть, критика в печати, постановление президиума ССП никак не сказались на его положении в писательской организации. И хотя он был отстранен решением редколлегии от работы в «Крокодиле», опала была снята уже в конце 1944 г. Действительно он по-прежнему являлся членом правления ССП СССР и его Ленинградского отделения. Его печатали. Решив в тот момент изменить своему сатирическому дарованию и заняться «созданием положительных типов», Зощенко приступил к созданию большой книги о партизанах. Работа не заладилась. В то же время писатель создает цикл рассказов о войне; но тяга к сатире не отпускает, и Зощенко с головой уходит в работу над комедиями. За относительно небольшой срок он написал для ленинградских театров две пьесы — «Парусиновый портфель» и «Очень приятно». Третья комедия-водевиль «Пусть неудачник плачет» не была принята к постановке и не публиковалась. Одновременно Зощенко пишет сатирические рассказы, в основном — для детей, и фельетоны. В 1945 г. «Известия» помещают пять новых работ писателя, его рассказы публикуются в «Звезде», «Ленинграде» и «Комсомольской правде» и «Известиях». В апреле 1946 г. он был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Представить, что 1946 г. станет для известных ленинградских литераторов роковым, никто, конечно, не мог. Писатели были уверены, что после очищающей и возвеличивающей народ победы возврат к старому курсу идеологических погромов невозможен.

Однако о стремлении возобновить прежние традиции руководства литературой свидетельствует целая серия предварительных мероприятий УПА.

Начиная с 1943 г. подготовку решающей битвы с инакомыслием, руководством партии, отвлеченным разрешением в основном вопросов, связанных с войной, не были четко определены подходы к методам борьбы на «литературном фронте» в новых условиях. Принимая

секретные решения о литературных журналах, усиливая контроль над ними в УПА, вождям и аппарату удавалось переломить ситуацию в свою пользу лишь на ограниченное время.

В подготовке событий отчетливо прослеживается стремление Маленкова воспользоваться «идеологическими» провалами Щербакова. Атака на Зощенко и Сельвинского безусловно отражала его стремление к дискредитации авторитета молодого сталинского выдвиженца. В мае 1945 года после загадочной смерти Щербакова идеологией занимаются Маленков и вернувшийся из Ленинграда Жданов. Схватка между ними начнется в 1946 г., результатом ее станет одно из самых известных постановлений ЦК в области литературы.

* * *

В 1946 году было отменено постановление Секретариата ЦК «О контроле над литературно-художественными журналами». В начале апреля по решению Оргбюро и Политбюро был снят с поста Оргсекретаря Правления ССП Д. Поликарпов. Казалось, эти шаги свидетельствовали о некотором ослаблении идеологического контроля. На самом деле временное отступление стало лишь подготовкой к широкомасштабной кампании, задуманной в ЦК.

К весне 1946 г. в Политбюро стало очевидным, что проработки произведений писателей на заседаниях президиума ССП, критические выступления в печати, широко практиковавшиеся во время войны в отношении Асеева, Зощенко, Платонова, Сельвинского, Чуковского, Федина и других, оказались недейственными.

13 апреля на заседании Политбюро под председательством Сталина было решено: «Поручить тт. Жданову и Александрову представить предложения о мероприятиях по значительному улучшению руководства агитпропрработой и по улучшению аппарата Управления пропаганды ЦК ВКП(б)»⁷³. Стенограммой этого заседания историки не располагают. И поэтому есть смысл обратиться ко вторичному источнику. Новые методы руководства культурой в свете последних установок Сталина довел до сведения сотрудников аппарата ЦК Жданов. На совещании по вопросам пропаганды и агитации, которое состоялось 18 апреля, он заострил внимание на необходимости значительного укрепления партийного руководства различными областями идеологии, «ибо совершенно очевидно, самотеком этих недостатков не исправишь, и указания товарища Сталина исходят из того, что лечение недостатков работы на идеологическом фронте должно идти отсюда... из аппарата ЦК»⁷⁴.

С отчетом о проделанной работе выступил начальник отдела художественной литературы Г. И. Владыкин, назначенный на этот пост

3 месяца назад. К тому времени в ССП СССР на учете состояло 2760 литераторов. Отметив это, он подчеркнул, что «хороших и крупных, значительных произведений у нас, к сожалению, довольно мало... в литературно-художественных журналах довольно часто печатаются серые, малохудожественные произведения и больше того — в отдельных произведениях допускаются серьезные идейные ошибки». Особенно неблагоприятно, по мнению Владыкина, дело обстояло с литературной критикой. Подытожил свое выступление Владыкин так: «... сейчас одним из важных вопросов для нас является вопрос о литературной критике, как поправить это дело»⁷⁵.

Эту тему продолжил выступивший вновь Жданов: «Этот вопрос обсуждался при даче указаний товарищем Сталиным по вопросам улучшения работы (на заседании Политбюро 13 апреля. — Д. Б.). Товарищ Сталин дал очень резкую критику нашим толстым журналам, причем он поставил вопрос насчет того, что *наши толстые журналы может быть даже следует уменьшить* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Д. Б.). Это связано с тем, что мы не можем обеспечить того, чтобы они все велись на должном уровне. Товарищ Сталин назвал как *самый худший из толстых журналов “Новый мир”, за ним идет снизу “Звезда”*. Относительно лучшим или самым лучшим товарищ Сталин считает журнал “Знамя” (еще бы, ведь совсем недавно по нему принимали решение ЦК. — Д. Б.), затем “Октябрь”... Товарищ Сталин указывал, что для всех четырех журналов не хватает талантливых произведений, произведений значительных и что это уже показывает, что количество журналов велико у нас, в частности он указывал на целый ряд слабых произведений, указывал на то, что в “Звезде” появилась “Дорога времени”, затем “Под стенами Берлина” Иванова. Товарищ Сталин дал хорошую оценку “За тех, кто в море”. Что касается критики, то товарищ Сталин дал такую оценку, что никакой критики у нас нет... Мы ставили этот вопрос, чтобы в толстых журналах сосредоточить критику, но из этого ничего не вышло, *критика у нас не оживилась... Товарищ Сталин поставил вопрос о том, что эту критику мы должны организовать отсюда — из Управления пропаганды, т. е. Управление пропаганды и должно стать ведущим органом, который должен поставить дело литературной критики... ибо товарищ Сталин говорил о том, что нам нужна объективная, независимая от писателя критика, т. е. критика, которую может организовать только Управление пропаганды...»*⁷⁶.

Итак, план мероприятий, освященный именем вождя, был намечен. Правда, Жданов не говорил напрямую о постановлении ЦК. Но аудитория исполнителей была подготовленной и безусловно представляла себе дальнейшие действия. Карты открыты — назван

самый «худший» журнал — «Новый мир» и конкретные произведения перечисленных писателей. Но вряд ли из слов Жданова можно было вывести, что удар придется именно по Ленинграду, по Ахматовой и Зощенко.

Так чем же все-таки была вызвана неожиданная атака против ленинградских журналов спустя почти четыре месяца? Почему на протяжении нескольких лет, критикуя толстые журналы (как мы успели заметить, в основном московские) и открыто предлагая часть из них закрыть, ЦК свой выбор в конце концов остановил на «Звезде» и «Ленинграде»? Поскольку эти журналы не подлежали проверке, то и в документах УПА первое упоминание о них появилось в августе 1946 года.

Подробное многолетнее изучение исследователями всех известных эпизодов, связанных с травлей Ахматовой и Зощенко, от случая к случаю публиковавшихся в ленинградских журналах, свидетельствует о том, что все предъявленные им обвинения были сплошной выдумкой. Поэтому-то и всякая апелляция к здравому смыслу руководства страны, содержащаяся в письмах Михаила Зощенко (как известно, Анна Ахматова не сочла нужным прибегать к такого рода защите) была по меньшей мере наивной. Значит, дело не только в именах писателей.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. В постановлении ЦК от 14 августа 1946 г., в принципе посвященном делам литературным, было предъявлено обвинение партийному руководству Ленинграда: «Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов... зная отношение партии к Зощенко и его “творчеству”... тт. Капустин и Широков⁷⁷, не имея на то права, утвердили решением горкома... новый состав редколлегии журнала “Звезда”... Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку»⁷⁸. В то же время, в принятых тогда же постановлениях «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме “Большая жизнь”, касавшихся прежде всего столичной партийной организации, упоминаний об ошибках Московского горкома партии, а тем более оргвыводов, как в случае с ленинградскими секретарями Широковым и Капустиным, не последовало.

Само по себе предположение о «двойном назначении» резолюции ЦК не является открытием. О нем подробно и очень аргументированно пишет исследователь Виталий Волков⁷⁹. Или, например, В. И. Демидов, анализируя обстоятельства принятия постановления от 14 августа, задается вопросом: «Ну зачем Жданову столь крупный скандал вокруг партийной организации и культурного социума, которые он лично — одиннадцать лет! — формировал и пе-

ствовал?.. Разве же не страдал и его политический авторитет?..» И хотя отсутствие каких-либо достоверных источников оставили поставленные вопросы без ответа, автором было очень точно замечено: «Похоже, что кроме Сталина и Жданова там был кто-то третий, ускользнувший от нашего пытливого взгляда»⁸⁰.

Имеющаяся ныне информация позволяет утверждать, что этим третьим был Маленков. В марте 1946 г. Пленум ЦК утвердил члена Оргбюро, Секретаря ЦК Г. М. Маленкова членом Политбюро ЦК. Помимо него высшие посты в партии занимали только Сталин и Жданов. 13 апреля Маленков по постановлению Политбюро стал отвечать за подготовку вопросов и ведение заседаний Оргбюро. Однако уже вскоре после взлета над Маленковым начали сгущаться тучи. Его удалили с важнейшего поста начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) и вызвали в Москву для работы на этом участке ближайшего сотрудника Жданова, энергичного первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова. Он стал председательствовать на заседаниях Секретариата, контролировать органы внутренних дел и безопасности. Параллельно с ленинградцами укреплялись позиции и москвичей. Секретарем ЦК и членом Оргбюро был избран Г. М. Попов.

Появление на политической арене новых сил в лице Кузнецова и Попова и одновременное избрание Маленкова и Берии в Политбюро таили в себе начавшуюся борьбу последних за упрочение своих позиций.

В начале 1946 г. по указанию Сталина было сфабриковано так называемое дело авиационных работников, арестованы Главный маршал авиации А. А. Новиков и нарком авиапромышленности А. А. Шахурин и другие. Аресты этих людей не могли не затронуть Маленкова, курировавшего этот наркомат в Секретариате ЦК. 4 мая на Политбюро и 6 мая на Пленуме ЦК по предложению Сталина Маленков был снят с поста секретаря ЦК, так как «зная об этих безобразиях (в авиационной промышленности и военно-воздушных силах. — Д. Б.), не сигнализировал о них ЦК ВКП(б)»⁸¹. В конце концов Маленков оказался в Средней Азии. Хотя он и отвечал за работу союзных ЦК, тем не менее уезжал Маленков не в командировку. От более серьезных санкций Маленкова спас Берия, он же помог ему быстро вернуться в Москву.

Ко времени возвращения в столицу прежние позиции Маленкова были утрачены, а многие ответственные посты в ЦК заняты «ленинградцами»: Жданов еще с апреля 1946 г. единолично отвечал за идеологическую работу, ведал некоторое время в Секретариате вопросами авиапромышленности, следил за работой Управления по проверке партийных органов, руководил Отделом внешней по-

литики. Кузнецов, ставший вместе с Маленковым секретарем ЦК на мартовском Пленуме ЦК 1946 г., активно работал на посту начальника Управления кадров, отмечая на различных совещаниях крупные недостатки в деятельности Управления при прежнем начальстве.

Непросто складывались отношения тандема Маленков — Берия и с московской организацией. Историк Л. Опенкин приводит в своем исследовании воспоминания секретаря Московского комитета партии в 1941–1948 гг. М. И. Малахова: «Успехи московских коммунистов военной поры воспринимались не без зависти определенной частью руководящих работников... как Мехлис, Шкирятов, Берия, даже Маленков... к концу 1946 года стало сильно ощущаться явно предвзятое отношение со стороны центра к Московской партийной организации»⁸². Дело ленинградских журналов невозможно рассматривать вне этого контекста.

Атака на москвичей и ленинградцев, когда положение Маленкова несколько пошатнулось, была достаточно рискованным предприятием. После возвращения в столицу основное внимание им было обращено на Ленинград. Маленков отлично понимал: литературные журналы, оставшиеся вне контроля УПА, т. е. в исключительном положении, вызовут обязательные нарекания при первом же их просмотре.

Поначалу события в Ленинграде не привлекали особого внимания в ЦК. 26 июня 1946 г. бюро Ленинградского горкома приняло постановление: «п. 2. О журнале “Звезда”, тт. Широков, Кожемякин, Капица, Саянов, Прокофьев (участники обсуждения этого вопроса. — Д. Б.). В целях улучшения качества работы журнала “Звезда” бюро горкома ВКП(б) постановляет: 1. Утвердить редколлегия журнала “Звезда” в следующем составе: тт. Капица П. И. (ответственный редактор), Герман Ю. П., Груздев И. А., Зощенко М. М., Мейлах Б. С., Никитин Н. Н., Прокофьев А. А. и Саянов В. М. 2. Обязать новый состав редколлегии в области художественной прозы уделять больше внимания советской тематике, не увлекаясь чрезмерно историческими сюжетами, в ущерб актуальным вопросам советской действительности»⁸³.

6 июля орган горкома партии «Ленинградская правда» опубликовала статью Ю. Германа о творчестве Михаила Зощенко, позднее оцененную в постановлении ЦК как «подозрительно хвалебную»⁸⁴. В конце этого же месяца читатели получили сдвоенный 5–6-й номер «Звезды» с рассказом писателя «Приключения обезьяны».

А потом что-то произошло в Москве. Спешно, буквально за несколько дней, в ЦК готовится постановление о ленинградских журналах. Только 7 августа Александров и Еголин посылают Жданову

докладную «О неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”», и первый вариант проекта постановления ЦК, а уже через день, 9 августа, вопрос выносится на заседание Оргбюро. То есть на рассмотрение Маленкова, который продолжал готовить материалы и вести заседания этого органа.

В обширной восьмистраничной докладной Александрова и Егорова сообщалось о наличии в ленинградских журналах за последние два года «ряда идеологически вредных и в художественном отношении очень слабых произведений».

Ахматовой, в одном ряду (!) с поэтами И. Садофьевым и М. Комиссаровой, вменялись в вину «упаднические, ущербные» настроения в творчестве, наполненном «чувством безысходной тоски». В качестве примера которых приводился отрывок из ее стихотворения, опубликованного в первом номере «Звезды» за 1946 г. «Вроде монолога»:

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки,
Там был фонтан, зеленые скамейки,
Громада парка царского вдали,
На масляной — блины, ухабы, вейки,
В апреле — запах прели и земли,
И первый поцелуй...

Это произведение было наделено следующими эпитетами: «Стихотворение... полно пессимизма, разочарования в жизни. Действительность представляется Ахматовой мрачной, зловещей, напоминающей “черный сад”, “осенний пейзаж”. Звуки города воспринимаются поэтессой, как услышанные “с того света”... “чуждые навеки”. Симпатии и привязанность Ахматовой на стороне прошлого»⁸⁵.

Выяснилось, что неправильно характеризовался советский патриотизм в поэме «Всадник» С. Спасского. «Неправильность» заключалась в сравнении патриотических чувств советского гражданина с ощущениями русского человека в прошлом. Кроме того, автор идеализировал образ Петра Великого. Не показались созвучными времени оторванность «эстетствующей интеллигенции» от «советской действительности». В повести Г. Гора один герой — художник заботился только о судьбе своих картин, а другой — садовод был занят исключительно сохранением кактусов. Вызвал недовольство и герой рассказа писателя-следователя А. Штейна «Лебединое озеро», «интересующийся не столько авиацией, сколько балетом, о котором он непрерывно вспоминает». «Объективную» оценку получило произведение В. Кнехта «На невской позиции», где Георгий

Победоносец был «провозглашен символом русского воинства». Пьесе Л. Милюгина «Старые друзья», позднее удостоенной Сталинской премии, пока предъявлялись упреки в изображении «идейно обедненной» советской молодежи. На взгляд Александрова и Еголина, в рассказах Д. Острова «Мир» и «Побег» неоправданно подчеркивается стойкость немецких офицеров и солдат⁸⁶.

О рассказе М. Зощенко «Приключения обезьяны», чуть ли не в последнюю очередь, в ряду «вредных» произведений, публиковавшихся в «Звезде», сообщили: «Описание походов обезьяны автору понадобилось только для того, чтобы издевательски подчеркнуть трудности жизни нашего народа в дни войны... В конце рассказа автор цинично заявляет, что обезьяна, обученная и быстро привыкшая вытирать нос платком, чужих вещей не брать, кашу есть ложкой, может быть примером для людей. Рассказ Зощенко является порочным, надуманным произведением. В изображении Зощенко советские люди очень примитивны, ограничены. Автор оглушает наших людей»⁸⁷.

Не пришлось по душе «идеалистические взгляды» Л. Борисова в повести «Волшебник из Гель-Гью». В критической статье «Письмо о поэзии» С. Спасского было отмечено «полное молчание идейного содержания» в творчестве советских поэтов.

В журнале «Ленинград», по мнению ответственных сотрудников УПА, за последние годы не было опубликовано «ни одного полноценного художественного произведения. Нередко печатаются отрывки из романов, не представляющие, вследствие своей разрозненности, никакого интереса для читателей».

Среди «малохудожественных и идейно порочных произведений» отмечались рассказы С. Варшавского, Б. Реста «Случай над Берлином» и М. Слонимского «На заставе». Среди стихов с «низким художественным уровнем» значилось произведение И. Сельвинского «Севастополь», где «описывались... впечатления от посещения города-героя после освобождения его Красной Армией. Но поэт ничего не говорит о мужественных защитниках города, он вспоминает лишь о том, как когда-то в дореволюционные годы он встретил на улице девушку».

Пародия А. Флита «Мой Некрасов» на повесть Е. Катерли была расценена «как глумление над великим поэтом». «“Некрасов”, пишет А. Флит, — цитируют руководители УПА без доли иронии, — проснулся с отрыжкой и поздно. Мучила изжога и царская цензура. Всю ночь снились моченые яблоки и цензор Никитенко. Ныло под ложечкой. На душе было кисло. Икалось с вечера. Что мне сказать мужику?! — мрачно подумал Николай Алексеевич, затягиваясь дорогой душистой папиросой. Мучила совесть и помещики-крепостники. Некрасов вяло сунул изможденные желтые пятки

в стоптанные туфли и поплелся к окну. Мутило от сознания бессилия перед царем и его приспешниками и от выпитого накануне французского коньяка. Некрасов увидел в окно парадный подъезд и толпу мужиков, вздохнул, желтой рукой обмакнул вставочку в чернила и, нехотя позевывая и почесываясь, написал: “Размышления у парадного подъезда”. Захотелось к Тургеневу, но он был за границей. Некрасов лег на диван и повернулся помятым лицом к облезлой стене. Уснуть он не мог. Давило крепостное право».

Примерно в таком же духе была расценена и пародия А. Хазина «Возвращение Онегина. Глава одиннадцатая. Фрагменты». «В этих стихах, — писали Александров и Еголин, — со злой издевкой и зубоскальством описан быт современного Ленинграда...»

В трамвай садится наш Евгений.
О, бедный, милый человек!
Не знал таких передвижений
Его непросвещенный век.
Судьба Евгения хранила,
Ему лишь ногу отдалило,
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: “Идиот”!
Он, вспомнив древние порядки,
Решил дуэлью кончить спор,
Полез в карман... но кто-то спер
Уже давно его перчатки...»

Заканчивалась докладная предложением утвердить новый состав редколлегии «Звезды», а «Ленинград» из-за «нецелесообразности» закрыть вообще⁸⁸.

Однако собранные в спешке обвинения против основных «обвиняемых» были столь неосновательны и несерьезны, что на заседании Оргбюро 9 августа⁸⁹ Сталину пришлось потратить немало слов, чтобы хоть как-то объяснить присутствующим писателям порочность творчества Ахматовой:

«[А.] Прокофьев (ответственный секретарь Ленинградского отделения ССП и член редколлегии «Звезды». — Д. Б.)... Я считаю, что не является большим грехом, что были опубликованы стихи Анны Ахматовой. Это поэтесса с небольшим голосом, и разговоры о грусти, они присущи и советскому человеку.
Сталин. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?»

Прокофьев. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение “Первая дальнебойная” о Ленинграде.

Сталин. Одно-два-три стихотворения и обчелся, больше нет.

Прокофьев. Стихов на актуальную тему мало, но она поэта с старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

Сталин. Тогда пусть печатается в другом месте где-либо, почему в “Звезде”?

Прокофьев. Должен сказать, что то, что мы отвергли в “Звезде”, печаталось в “Знамени”.

Сталин. Мы и до “Знамени” доберемся, доберемся до всех.

Прокофьев. Это будет очень хорошо»⁹⁰.

Как видим, конкретных обвинений нет. Больше того, Сталин прилюдно признавал, что «недостатки» ленинградских и московских изданий ничем не отличаются друг от друга. Не случайно поэтому Жданов, готовясь к докладам в Ленинграде по итогам обсуждения на Оргбюро, в своих тезисах смог лишь набросать: «Взбесившаяся барыня. Тематика ее поэзии — между будуаром и моленной... Губы да зубы, груди да колени... Тоска. Одиночество... Ковыряние в своих эмоциях. Отравляет сознание...»⁹¹. Так и не найдя нужного криминала в последних стихах Ахматовой, Жданов весьма своеобразно восполнил этот бросавшийся в глаза пробел. В опубликованную в конце сентября сокращенную и обобщенную стенограмму своих докладов он вписал отрывок из стихотворения Ахматовой «А ты думал я тоже такая...», которое вышло в сборнике стихов 1940 г.(!).

Еще более нелепая ситуация сложилась вокруг Зоценко. Рассказ «Приключения обезьяны», на который обрушился огонь критики, многократно публиковался ранее: первый раз в детском журнале «Мурзилка», во второй — в начале 1946 г. в его книге «Фельетоны, рассказы, повести», затем в «Избранных произведениях» (книга вышла в свет в июле) и сборнике рассказов, вышедшем в библиотеке журнала «Огонек» примерно тогда же. Все это время на него никто не обращал внимания. Именно поэтому, желая помочь Зоценко, редактор «Звезды» В. Саянов решил опубликовать этот безопасный и уже «апробированный» рассказ в рубрике журнала «Новинки детской литературы». Как утверждала жена писателя В. Зоценко в письме к Сталину, «попал» в «Звезду» рассказ «без ведома автора — его просто перепечатали из “Мурзилки” по почину Проко-

фьева и Саянова, об этом он узнал уже после свершившегося факта и был этим весьма недоволен, так как сам никогда бы не дал такой пустячный, шуточный рассказ, к тому же написанный полтора года назад, в серьезный журнал»⁹².

Очень подробно история появления рассказа в «Звезде» рассматривается М. Долинским. «Анализ текста в “Мурзилке”, — пишет исследователь, — категорически отвергает версию о прямой перепечатке оттуда, якобы предпринятой “Звездой”. Все было не так»⁹³.

Как бы там ни было, предположить, что рассказ для школьников младших классов будет расценен Ждановым в его докладе как «наиболее яркое выражение всего того отрицательного, что есть в литературном творчестве Зощенко»⁹⁴, не мог, конечно, ни сам писатель, ни его друзья, способствующие публикации. Торопившиеся работники ЦК не слишком заботились о форме обвинения. Им был нужен повод, и они его изобрели. Сохранилось любопытное свидетельство П. Капицы: «Утром того же дня (9 августа 1940 г. — Д. Б.) мы попали на прием к начальнику Управления пропаганды ЦК Александрову. Нам думалось, он сразу начнет распекал нас, но говорил он каким-то приглушенным тихим голосом, оба, мол, журнала печатали сырые, малохудожественные, а порой и идейно вредные произведения, но *чашу весов переполнил рассказ “Приключения обезьяны”*»⁹⁵.

Атака против уже «битых» писателей, казалось бы, должна была пройти с легкостью. Однако дело готовилось столь поспешно, что обвинения против Зощенко не были достаточно хорошо продуманы. Это привело к ряду «накладок». На заседании Оргбюро, вмешавшись в обсуждение рассказа Зощенко, Сталин попал в неловкое положение, продемонстрировав полное незнание сути вопроса. Прервав выступление Саянова, он спросил: «Этот ваш журнал для детей издается?» И после отрицательного ответа заявил: «А почему в детский журнал не поместили?.. У вас требовательности элементарной нет. Это же пустяковый рассказ... Это же пустейшая штука, ни уму, ни сердцу ничего не дающая. Какой-то базарный, балаганный анекдот. Непонятно, почему, безусловно, хороший журнал (в апреле Сталин признавал его вторым «снизу». — Д. Б.) предоставил свои страницы для печатания пустяковой балаганной штуки?»⁹⁶ Саянов ушел от прямого ответа и попытался затеять разговор об общих проблемах литературы: «Мы указывали авторам на их ошибки, но у некоторых писателей было суждение такое, что вот война кончилась, теперь они отдохнут и теперь надо развлекать советского читателя... Наша вина, что против таких настроений мы не сумели отделить передовую писательскую часть... Вот, мне кажется, то основное, что следовало сейчас сказать»⁹⁷.

Действительно ли никто не информировал Сталина о том, что рассказ был ранее помещен в «Мурзилке», или он только сделал вид, что не знает об этом? Видимо, мы так и не узнаем, насколько Сталин был искренен в своем неведении. Важно другое. Виссарион Саянов, судя по различным источникам (воспоминания П. Капицы, письмо В. Зощенко), отлично знал о первой публикации рассказа, представим, что могло бы случиться, если бы он осмелился об этом сказать вождю. Хотя едва ли разъяснения редактора смогли коренным образом изменить ход и тональность заседания или положений постановления, но все-таки...

В этой связи приведем один факт. В материалах УПА сохранилось дело, где задним числом к материалам, собранным против Зощенко, была приложена его автобиография, написанная в 1939 г., а также личная карточка-анкета члена ССП, подписанная Зощенко в 1945 г. В деле появилась также небольшая справка о литературном объединении «Серапионовы братья», и, как показали дальнейшие события, появилась не случайно. Жданов в своих известных докладах 1946 г. достаточно много места уделил оценке деятельности Зощенко в этом «чуждом советской литературе» объединении. Был подшит к «делу» и материал, подготовленный Еголиным. И хотя по объему он занимал всего половину странички, в нем фиксировался круг знакомых Зощенко, его приятельские отношения с ленинградскими писателями Саяновым, Прокофьевым, Слонимским, Кавериним и Никитиным. Утверждалось, что рассказы Зощенко о войне «по своему содержанию также страдали целым рядом политических ошибок. В этих рассказах автор и герой относились слишком либерально к немцам, развивали чрезвычайно слабую ненависть к немцам со стороны русских людей». Последними документами в этом «деле» были книжка избранных рассказов Зощенко и злополучный журнал «Мурзилка» № 12 за 1945 г.⁹⁸ Позднее «прозрение» литературоведов из УПА уже не смогло изменить положение опального Зощенко.

Выступление редактора журнала «Ленинград» Б. М. Лихарева на заседании Оргбюро свелось к одному: он пытался убедить руководство страны в необходимости сохранить этот журнал. Лихарев признавал все ошибки, на которые ему указывали по ходу его выступления Сталин и Жданов: и публикацию рассказа Зощенко «Прощество на Олимпе», и «чрезмерное уважение к иностранцам»⁹⁹.

А. Прокофьев согласился с вождем: «Очевидно, у нас не хватало и вкуса».

Сталин: И произведений, видимо, не хватало, чтобы помещать, вот вы и валили в одну кучу.

Прокофьев: Журнал у нас не мусорная куча, мы хотели, чтобы наш журнал был достоин нашего города, но, очевидно, не получилось этого.

Сталин: Материала, видимо, не хватает, и потому, видимо, в «Звезде» иногда появлялись замечательные вещи, прямо бриллианты, а наряду с бриллиантами — навоз.

Прокофьев: На Вашу реплику отвечаю, половина или 3/4 вины нашей с нас складывается (*смех*), потому что все-таки наша работа не прошла впустую, мы давали и хорошие вещи.

Сталин: Безусловно¹⁰⁰.

Так же, как и Лихарев, Прокофьев просил сохранить журнал «Ленинград». Однако его мнение по этим вопросам руководителей партии не интересовало. Они требовали, чтобы Прокофьев определенно высказал свое отношение к творчеству Зощенко, точнее — осудил его. Прокофьев же увильнул от погромных оценок и пытался объяснить вождям, что писатели — народ ранимый и обращаться с ними следует бережно. У Союза писателей, говорил он, «не хватает мужества в ряде случаев сказать правду, имея в виду, что люди, с которыми мы работаем... будут обижены. У нас некоторые очень болезненно обиды принимают... Даже иногда небольшая критика оставляет глубокую царапину»¹⁰¹. Но на Сталина это не подействовало. «Этого бояться не следует. Как же иначе людей воспитывать без критики», — заявил он. И тут же, продемонстрировав образец такой «критики», обрушился на Зощенко: «Вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал. Пишет он чепуху какую-то, прямо издевательство. Война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни против, а пишет всякие небылицы, чепуху, ничего не дающую ни уму, ни сердцу. Он бродит по разным местам, суется в одно место, в другое, а вы податливы очень. Хотели журнал сделать интересным и даете ему место, а из-за этого вам попадает, и не могут быть напечатаны произведения наших людей. Мы не для того советский строй строили, чтобы людей обучали пустяковщине»¹⁰².

(Заметим в скобках, что, отвергая выдвинутые в его адрес обвинения, Зощенко доказывал в письме к Сталину: «В годы Отечественной войны, с первых же дней я активно работал в газетах и журналах. И мои антифашистские фельетоны нередко читались по радио. И мое сатирическое антифашистское обозрение “Под липами Берлина” играли на сцене Ленинградского театра “Комедия” в сентябре 1941 года»¹⁰³.)

Единственным писателем, выступившим на заседании Оргбюро в унисон со Сталиным, был Вишневецкий, в то время главный ре-

дактор «Знамени». «Человек этот начинал писать в 1923–1924 годах, — говорил он о Зоценко. — У него везде персонажами являются пьяные, калеки, инвалиды, везде драки, шум. И вот возьмите его последний рассказ “Приключения обезьяны”, возьмите и сделайте анализ его. Вы увидите, что опять инвалиды, опять пивные, опять скандалы.

Сталин: И баня.

Вишневский: Баня, совершенно правильно. У него получается так. Вот вы меня критиковали, и вот получайте, уважаемые»¹⁰⁴.

Вместе с тем Вишневский, как и все другие писатели, просил оставить Ленинграду второй журнал. Однако воля вождя была непреклонной.

Что касается второй составляющей августовского постановления о журналах — обвинений в адрес Ленинградского горкома, — то здесь, совершенно очевидно, свою роль сыграл Маленков.

Хотя сам факт критики ленинградских журналов бросал тень на руководство города, каких-либо серьезных претензий к нему первоначально не предъявлялось. В проекте постановления ЦК, подготовленном Александровым и Еголиным еще до заседания Оргбюро, были сделаны лишь замечания УПА и отделу пропаганды Ленинградского горкома, которые «не уделяют должного внимания журналам» и «не проявляют о них достаточной заботы»¹⁰⁵.

На самом заседании, как мы заметили, обсуждение первоначально пошло в русле, заданном проектом постановления. Редакторы «Ленинграда» и «Звезды» Лихарев, Саянов и Прокофьев осуждали свои ошибки, публикацию произведений «безыдейных» авторов. На прегрешения литераторов напирал и первый секретарь Ленинградского горкома партии П. С. Попков. Задача, стоявшая перед ним, была непростой. С одной стороны, ему нужно было объяснить по поводу слабого руководства журналами («За это полугодие мы, горком партии, не удосужились ни разу поставить отчет или доклад редакционной коллегии и посмотреть план работы... как “Звезды”, так и “Ленинграда”»¹⁰⁶, а с другой — отвести от горкома конкретные обвинения по поводу самостийного, без согласования с ЦК, утверждения нового состава редколлегии «Звезды» и включения в нее Зоценко. Ответственность за инцидент с редколлегией Попков постарался полностью возложить на писателей: «Я считаю, что [виновата] редакционная коллегия и, в частности, т. Саянов и тот состав редакции, который был. У них у всех очень большой авторитет имеет Зоценко... когда обсуждали последний состав редакции я не был, но они все рекомендовали Зоценко»¹⁰⁷.

Рассказал Попков и о поступавших «сведениях» из ЦК по поводу изменения грифа «Звезды». Вместо органа Союза советских писа-

телей СССР, он стал органом Союза ленинградских писателей, что формально позволило горкому принять упомянутое постановление Ленинградского горкома: «Последний журнал вышел с грифом, что... это орган Союза ленинградских писателей. Как это получилось? Кто в этом виноват и какое это имеет значение?.. Инициаторами были гг. Тихонов и Саянов, но они об этом ничего не сказали, а это имеет очень существенное значение. Соответствующая справка по этому поводу была дана А. Кузнецову». (Что это была за справка? Была ли она на деле? И почему Кузнецов не отреагировал? На все эти существенные вопросы ответа у историков пока нет.) Из этой информации выходило, что «никакого решения по этому вопросу нет, а по разговору между Саяновым и Тихоновым он был назван органом Союза ленинградских писателей»¹⁰⁸.

Казалось, вопрос был исчерпан. Попков продолжал свою речь, миновав самый опасный «поворот» в обсуждении, однако неожиданно был прерван Маленковым: «Зачем Зоценко утвердили?»¹⁰⁹ П. Капица вспомнил и другую фразу Маленкова: «Они там битых у себя в Ленинграде приютили!» На самом деле в начале заседания, во время выступления А. А. Прокофьева, прозвучала фраза: «И обиженных приютили. Зоценко критиковали, а вы его приютили». Во всяком случае, автор мемуаров, оговоривший в начале повествования, что воспроизводит сказанное «отчасти по памяти, отчасти по торопливым записям» на заседании, этой репликой очень точно передал настроение Маленкова, глаза которого были «без улыбки, а лицо вечно серьезное, как у евнуха»¹¹⁰.

Попков вынужден был вновь вернуться к вопросу о редколлегии и на этот раз, чувствуя, куда клонит Маленков, признать свою ошибку: «Я должен взять вину на себя, я это решение горкома партии проглядел, без меня это было, проводил заседание товарищ Капустин. Я не снимаю ответственности с себя, но я слишком поздно узнал...»¹¹¹.

Поворот к осуждению горкома наметился. И когда слово получил секретарь Ленинградского горкома по пропаганде И. М. Широков, его подвергли настоящему допросу:

Сталин: А такие, как Зоценко, они имеют власть над журналом. Это что же, ленинградский журнал или журнал Союза советских писателей?

Широков: Нет, не ленинградский.

Сталин: Вы хотите, чтобы было подтверждено ваше решение?

Жданов: Вы оформили новую редакцию или обе существуют?

Широков: Мы решение приняли у себя.

Маленков. Приняли решение утвердить редакцию и ввели Зощенко.

Сталин: Ленинградский комитет осведомлен о вашем решении о новой редакции?

Маленков: Это ленинградский комитет решил.

Сталин: Вы что же требуете, чтобы мы утвердили это¹¹².

Обращает на себя внимание активность Маленкова, который за время заседания сделал реплик и вопросов больше Жданова, направляя разговор в русло муссирования ошибок ленинградцев, отличное «знание проблемы», несмотря на его отстранение от идеологической работы. Каким образом оказалось, что перед началом заседания на руках у Маленкова оказался козырь — постановление Ленинградского горкома, — кардинально переменявший ход заседания?

По существовавшей в то время практике отчетности местных парторганизаций ЦК обязывал присылать справочные протоколы заседаний бюро в течение месяца. Протокол с решением от 26 июня был получен на Старой площади 21 июля. Но впервые с ним знакомятся 9 августа, о чем свидетельствует запись С. Шамоновой — помощника заведующего сектором Управления по проверке парторганов. По чьему же указанию работу Ленинградского горкома проверяют прямо перед заседанием Оргбюро, открывшимся в 17 часов? Задание мог дать только куратор Управления — Секретарь ЦК Н. Патоличев, которого, по всей видимости, просил об этом его бывший предшественник и начальник Г. Маленков (до апрельских событий 1946 г.). Не забудем, что Маленков оставался председателем на заседаниях Оргбюро. Кроме того, Жданов или Кузнецов такими вопросами не могли заинтересоваться, что называется, в принципе, доверяя во всем своим бывшим коллегам.

Бдительность Маленкова способствовала тому, что в окончательный вариант постановления о журналах был внесен пункт о грубой политической ошибке Ленинградского горкома. А Маленков по решению Оргбюро 9 августа был включен в комиссию по подготовке окончательного варианта постановления о ленинградских журналах, т. е. вновь, хотя и в разовом порядке, был переброшен на «идеологию».

После заседания, 10 августа, А. Кузнецов, вошедший в состав комиссии по подготовке постановления, получил от министра госбезопасности В. Абакумова справку-досье на М. Зощенко, в которой весь творческий и жизненный путь писателя характеризовался как «антисоветский». Сообщалось, что творчество писателя в последнее время «ограничивается созданием малохудожественных комедий,

тенденциозных по своему содержанию: “Парусиновый портфель”, “Очень приятно”. Было известно на Лубянке и о критике писателем «строгого цензурного режима, отсутствия условий для подлинного творчества»¹¹³.

Сам по себе факт получения досье на писателя после почти решенного дела наводит на размышления. В проекте постановления ЦК от 7 августа оценок творчества Зощенко практически не давалось. И здесь возможны два предположения: либо по бюрократическим причинам справка пришла не вовремя, либо Кузнецов пытался самостоятельно разобраться в ситуации и как секретарь ЦК ВКП(б), контролирующей МГБ, воспользовался своими каналами получения информации. Что это: недоверие к верховному мнению о творчестве Зощенко, стремление самому доискаться истинных причин неожиданно резкой критики детского рассказа? Или обычный шаг секретаря ЦК, курирующего МГБ?

Из цитированного выше письма В. Зощенко стало известно об одном немаловажном в данной ситуации эпизоде из жизни Кузнецова в Ленинграде. Еще будучи первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), он и заместитель министра иностранных дел СССР И. Майский после просмотра новой пьесы М. Зощенко «Парусиновый портфель» оставили в книге отзывов театра записи о своих положительных впечатлениях¹¹⁴. Уже само посещение постановки пьесы автора, недавно раскритикованного в партийном журнале «Большевик», было достаточно компрометирующим, да к тому же еще и положительный отзыв! Надо полагать, что Кузнецов сверял свои впечатления от увиденного спектакля с информацией МГБ.

Руководители Ленинграда и их московские покровители — Жданов и Кузнецов — попытались сделать все для того, чтобы смягчить удар. Характерная сцена произошла в перерыве заседания Оргбюро 9 августа. По воспоминаниям П. Капицы,

«к Саянову подошел Секретарь ЦК по кадрам Алексей Кузнецов. Он начал уверять Виссариона, что сказанное Сталиным надо принять как похвалу. При этом пожал ему руку и произнес:

— Поздравляю, держи голову выше!

К нам подошли секретари Ленинградского горкома, а потом присоединился и Жданов, решивший, видимо, нас подбодрить:

— Не теряйтесь, держитесь по-ленинградски, мы не такое выдержали...

В дверях показался Сталин. Видя толпящихся ленинградцев, шутливо удивился:

— Чего это ленинградцы жмутся друг к дружке? Я ведь тоже питерский.
Жданов отошел от нас»¹¹⁵.

И Жданов и Кузнецов были готовы выступить с более умеренных позиций, тем более что понимали: готовящееся постановление направлено не только против писателей, но и против ленинградских руководителей, с которыми сами были тесно связаны. Разглядеть это обстоятельство, особенно после заседания Оргбюро, опытному политику, знающему «кухню» кремлевских интриг, было несложно. Слишком уж торопливо готовилось постановление. Слишком надуманными были обвинения в адрес Ахматовой и Зощенко, зато вполне очевидными претензии к ленинградским руководителям. Нелишнее привлечь здесь мнение сведущего человека. Н. С. Хрущев в своих мемуарах высказывает очень точное суждение об истинном вдохновителе погромов в литературе послевоенных лет: «Жданов сыграл тогда отведенную ему роль, но все-таки он выполнял прямые указания Сталина. Думаю, если бы Жданов лично определял политику в этих вопросах, то она не была бы такой жестокой»¹¹⁶.

Жданов пытался не акцентировать внимание на критике Ленинградского горкома и позже, когда 15 и 16 августа в своих «разъяснительных» выступлениях докладывал о постановлении ЦК на собрании партактива и писателей Ленинграда. Литераторам он тогда признался: «Нам (в первую очередь! — Д. Б.) обидно, Центральному Комитету, что это случилось в Ленинграде». Словно отвлекая внимание слушателей от жесткой оценки деятельности горкома и демонстрируя свою решительность в борьбе с «крамолой», Жданов оснастил доклад массой чудовищных обвинений и просто ругательств в адрес ленинградских писателей и их покровителей в редколлегиях журналов, позаимствовав многие эпитеты из речи Сталина на Оргбюро, и на десятилетия сделав это свое выступление символом пренебрежительного отношения государства к интеллигенции.

Дальнейшие события хорошо известны. Тогда же, 15 и 16 августа, перед партактивом и писателями Ленинграда с докладами, посвященными постановлению ЦК ВКП(б), выступил Жданов.

Писательские собрания по всей стране «единодушно» поддержали решение ЦК. Поток пошла статьи, обличавшие вдруг обнаружившиеся в большом количестве «безыдейные», «вредные» произведения. Полетели камни в сторону Б. Пастернака, В. Гроссмана.

Приводить содержание доклада, вернее, «сокращенный и обобщенный вариант», известный по публикациям, эту «пересыпанную ругательствами казарменную чушь» (В. Каверин), вряд ли имеет смысл. Неправленая стенограмма всего заседания писательского

актива, в том числе и прения, кардинально отличается от известного варианта. Различия, которые обнаруживаются в стенограмме по сравнению с опубликованным текстом, настолько значимы, что требуют отдельного исследования.

Резюмировать выступления писателей можно следующим высказыванием из заключительной речи Жданова: «По обычаю собрания заключительное слово произносится в тех случаях, когда была полемика или когда были несогласия с основными положениями доклада. Я же не могу выдумывать заключительное слово, раз не было полемики и раз все выступавшие солидаризировались с основными положениями доклада»¹¹⁷.

Мало чем отличалось внешнее единодушие и других творческих работников страны¹¹⁸.

27 августа 1946 г. Зоценко написал письмо Сталину. Попав к Поскребышеву, оно было переправлено Жданову. Судя по пометке на письме, с ним были ознакомлены «вкруговую» А. Кузнецов, Н. Патолитчев, Г. Попов, Г. Александров. Писатель пытался переубедить вождя. «Я никогда не был антисоветским человеком, — доказывал Зоценко, — в 1918 году я добровольцем пошел в ряды Красной Армии и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск... Мою литературную работу я начал в 1921 году. И стал писать с горячим желанием принести пользу народу, осмеивая все то, что подлежало осмеянию в человеческом характере, сформированном прошлой жизнью». О злополучном рассказе «Приключения обезьяны» Зоценко писал: «Этот маленький шуточный рассказ... был написан в начале 45 года для детского журнала “Мурзилка”. И там же он и был напечатан... В этом моем рассказе нет никакого эзоповского языка и нет никакого подтекста. Это лишь потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла»¹¹⁹.

Разумеется, понимания у Сталина Зоценко не нашел. И тогда 10 октября 1946 г. он решил направить письмо в ЦК на имя Жданова. «Я очень подавлен тем, что случилось со мной. Я с трудом возвращаюсь к жизни... Я понимаю всю силу катастрофы. И не представляю себе возможности реабилитировать свое имя... Я не могу и не хочу быть в лагере реакции», — писал Зоценко и вновь доказывал, что он не тот, кем объявлен. Подбирая новые аргументы, писатель обращался к здравому смыслу руководства: «У меня сохранилось несколько тысяч читательских писем. Слова благодарности почти в каждом письме утверждали мое представление, что работа моя не только социально полезна, но и приносит радость... В 1939 году за литературные заслуги я был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Союз писателей, представляя меня к награде, разделял, стало быть, мнение Горького и читателей»¹²⁰.

Однако слова эти уже ни в чем не могли убедить руководителей страны. Зоценко, как писал В. Каверин, в отличие от жертв, посаженных в засекреченные лагеря, «надолго, на годы, для примера был привязан на площади к позорному столбу и публично оплеван»¹²¹.

Весь изложенный выше материал свидетельствует, что у Зоценко и Ахматовой, у ленинградских журналов в целом было по крайней мере не больше шансов, чем у других писателей и изданий попасть под удар репрессий. Вениамин Каверин, размышляя над мотивами этого выбора, писал: «Выбор был нелепый хотя бы потому, что Зоценко и Ахматова находились на беспредельно далеком расстоянии друг от друга в литературе»¹²².

Между тем есть достаточно простое объяснение выбора Ахматовой и Зоценко в качестве главных обвиняемых. Похоже, что Жданов получив от Сталина задание готовить постановление именно о ленинградских журналах, вспомнил о тех писателях, с которыми уже имел в свое время дело. И, конечно, выбирал литераторов «с именем». В 1940 г. с подачи Жданова было принято решение Секретариата ЦК «Об издании сборника стихов Ахматовой», запретившее распространять книгу поэтессы «Из шести книг». Копии материалов, относившихся к тому постановлению, были аккуратно подшиты к делу о ленинградских журналах — как бы не забыть всех деталей. Так, например, фраза из тезисов доклада идеолога на собрании писателей — «блуд с молитвой во славу Божию» — взята им из собственной резолюции по «делу Ахматовой» шестилетней давности. Под ждановским же руководством в 1944 г. готовилась разгромная статья в «Большевике» против Зоценко.

Цель акции объяснима. Писателям дали понять: коли критикуют маститых, наиболее талантливых, «высовываться» середнякам, вообще просто высовываться кому бы то ни было — самоубийство. То, что ни Зоценко, ни Ахматова и, может быть, даже ни литературные дела в целом не интересовали руководителей страны при подготовке этого постановления, косвенно подтверждает ход дальнейших событий на «литературном фронте».

Делясь своими ощущениями того времени, К. Симонов писал: «...Постановление о ленинградских журналах не было, вернее, за ним, думаю, субъективно для Сталина не стояло призыва к лакировке, к облегченному изображению жизни... Почти одновременно, в этот же период, Сталин поддержал, собственно говоря, выдвинул вперед такие принципиально далекие от облегченного изображения жизни вещи, как “Спутники” Пановой или чуть позже “В окопах Сталинграда” Некрасова. Вслед за ними вскоре получили премию и трагическая “Звезда” Казакевича, изобиловавшая конфликтами

“Кружилиха” Пановой. Нет, все это было не так просто и не так однозначно. Думается, исполнение, торопливое и какое-то, я бы сказал, озлобленное, во многом отличалось от замысла, в основном чисто политического, преследовавшего цель прочно взять в руки... интеллигенцию, пресечь в ней иллюзии»¹²³.

Действительно, с «обвиняемыми» поступили по тем временам достаточно лояльно, лишь исключив их из Союза писателей, а вскоре и разрешили, например, Зощенко публиковать свои рассказы в «Новом мире», заниматься переводами. Отобранные руководством Ленинграда продовольственные карточки вернули литераторам весной 1947 г. «Провинившегося» председателя Правления ССП СССР Н. Тихонова, по инициативе которого «Звезда» стала органом ленинградских писателей и о деятельности которого в «Серрапионовых братьях» знали «наверху», вместо смещения с административных постов назначают... заместителем Генерального секретаря ССП А. Фадеева. Да и Фадеев, отстраненный за подобные «ошибки» в 1944 г., по логике вещей, вряд ли мог предугадать такой поворот в своей карьере.

Ленинградцев же Сталин, похоже, невзлюбил всерьез. После приблизительного анализа хода мыслей, намерений и проектов вождя, не случайной видится теперь его позиция в октябре 1947 г. Когда немного улеглась волна, поднятая постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград», секретарь Ленинградского обкома П. С. Попков обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой увеличить объем журнала «Звезда» до 18 печатных листов. Ходатайство поддержали секретари ЦК А. Кузнецов и М. Суслов. На имя Сталина было направлено письмо. В нем особо подчеркивалось, что через год с лишним после постановления «редакция располагает достаточным количеством интересных и содержательных литературных материалов». Речь шла прежде всего о романах Ю. Германа, В. Пановой, В. Саянова и других. Бумага легла на сталинский стол. И размашистой росчерк карандаша буквально прорвал лист: «Против. И. Сталин»¹²⁴. Бдительный вождь расценил подобного рода заступничество Кузнецова как заговор ленинградцев. Отсюда такая показательная реакция.

Однако пройдет меньше трех лет и, уже после смерти Жданова, обвинительные формулировки 1946 г. отчетливо прозвучат в документах ЦК в преддверии «ленинградского дела». В постановлении Политбюро от 15 февраля 1949 г. «Об антипартийных действиях... Кузнецова А. А.,... Родионова М. И. и Попкова П. С.» ленинградские руководители были осуждены за попытки создания «средостения между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией... т. Попков... вместо того, чтобы вносить вопросы и предложения непосредственно в ЦК ВКП(б), встает на путь обхода ЦК партии... через различных самозванных “шефов” Ленинграда вроде т. Кузнецова...»¹²⁵.

Дополнительным и веским аргументом в пользу высказанного предположения о внутривнутрипартийной составляющей в этом деле может послужить мало кому известное постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Знамя”» (реализовывалось сталинское «доберемся до всех»), принятое в 1948 г. Обвинения в адрес редакции, на первый взгляд, да и при более близком рассмотрении, очень напоминают ждановские, использованные двумя годами раньше. Те же формулировки. Примерно такие же оргвыводы. Ничего удивительного: постановление готовилось при непосредственном участии новоиспеченного «второго человека в партии» — Георгия Маленкова¹²⁶. И хотя в постановлении не было выдвинуто прямых обвинений против партийного руководства Москвы, можно предположить, что Маленков использовал его как очередной аргумент для чистки столичной парторганизации. Смещение конкурента произошло в декабре 1949 г., после рассмотрения на Политбюро решения «О недостатках в работе тов. Попова Г. М.»

История подготовки постановления о ленинградских журналах позволяет нам сделать несколько выводов.

Прежде всего, это постановление готовилось впопыхах. В нем невероятным образом переплелись судьбы многих самых разных людей: таких не похожих друг на друга писателей, как Ахматова и Зощенко, ленинградских партийных работников и московских «вождей», борющихся за власть и влияние. Эта очередная кампания преследовала несколько политических целей.

В основе лежало стремление властей «подкрутить» идеологические гайки, «поставить на место» писателей. Образно эта идея сформулирована у К. Симонова: «прочно взять в руки немножко выпущенную из рук интеллигенцию, пресечь в ней иллюзию, указать ей на ее место в обществе и напомнить, что задачи, поставленные перед ней, будут формулироваться так же ясно и определенно, как они формулировались и раньше, до войны, во время которой задрали хвосты не только некоторые генералы, но и некоторые интеллигенты, словом, что-то на тему о сверчке и шестке»¹²⁷.

Эта цель тесно соединилась с политическими интригами в Кремле и предопределила выбор объектов погрома. Уже попадавшие ранее в опалу Ахматова и Зощенко были выдвинуты для проработки в последний момент и на этот раз поплатились не только за свое «невыдержанное» творчество, но и за то, что оказались авторами журналов, выходивших в городе, руководство которого было втянуто в интриги «большой политики».

В кампании вокруг постановления ясно прочитываются претензии высшего руководства партии и, прежде всего, Сталина и Маленкова к ленинградским руководителям и их покровителям в Москве. Однако в целом явного победителя, как и проигравшего в этой схват-

ке не выявилось. Все остались довольны. Более опытный Жданов выполнил с блеском волю вождя и остался в ряду верных, а потому и ближайших соратников Сталина. Маленков, проявивший бдительность, укрепился на партийно-государственном Олимпе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лазарев Л. И. «Как бы ни была горька...» // Коммунист. 1991. № 8. С. 28.
2. Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 77, 78.
3. «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932–1946 гг. Сборник документов. — М., 1994. С. 93–104 (Далее: «Литературный фронт»).
4. Позднее советской критикой была создана любопытная теория: «идеологически вредное» или «идейно чуждое» произведение уже само по себе не могло быть художественным.
5. «Литературный фронт». С. 95, 98.
6. Там же. С. 93.
7. Там же. С. 99.
8. Там же. С. 100.
9. Там же. С. 103.
10. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 15. Д. 637. Л. 3, 6.
11. Там же. Л. 21, 25.
12. Там же. Л. 25.
13. Там же. Л. 39.
14. Там же. Л. 44.
15. Там же. Л. 46, 47.
16. Там же. Л. 53.
17. Там же. Л. 67, 68.
18. Там же. Л. 71.
19. См.: «Литературный фронт». С. 90–92.
20. «...Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации?»: М. М. Зощенко: Письма, выступления, документы 1943–1958 гг. / Публикация и коммент. Ю. Томашевского // Дружба народов. 1988. № 3. С. 169. См. также работы: Domar R. A. The Tragedy of a Soviet Satirists: The Case of Zoshenko in Throught the Glass of Soviet literature. Views of Russian Society, Columbia U.p., New York, 1953; Сарнов Б., Чуковская Е. Случай Зощенко: Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946–1958 гг. // Юность. 1988. № 8. С. 69–86; Ильина И. Б. Припугнуть, чтоб другим неповадно было: История одного постановления // Трудные вопросы истории. — М., 1991. С. 174–186 и др.

21. РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 121. Л. 125, 126.
22. Цит. по: Дружба народов. 1988. № 3. С. 169.
23. Зощенко М. М. Повесть о разуме. — М., 1990. С. 147.
24. «Литературный фронт». С. 82, 83.
25. Там же. С. 105.
26. Там же. С. 237.
27. Там же. С. 106, 107.
28. Большевик. 1944. № 2. С. 56, 57.
29. Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. — М., 1989. С. 68.
30. «Литературный фронт». С. 137.
31. Там же. С. 136.
32. Там же. С. 138, 139.
33. Аврора. 1991. № 8. С. 44, 45.
34. Сохранилась копия письма Жданова и Кагановича Сталину от 29 августа 1934 г., в котором «в качестве возможного секретаря Правления» ССП предлагалось пять кандидатов. Последнему кандидату — Щербакову — была дана следующая характеристика: «Хороший организатор и культурный человек» (РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 112. Л. 1.)
35. «Литературный фронт». С. 136.
36. Там же. С. 231.
37. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 213. Л. 83.
38. Там же. Д. 293. Л. 111.
39. «Литературный фронт». С. 107.
40. Там же. С. 112, 113.
41. Там же. С. 114.
42. Там же. С. 116.
43. Там же. С. 117.
44. Там же. С. 118.
45. Там же. С. 121.
46. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 881. Л. 6–8.
47. «Литературный фронт». С. 108.
48. «Во имя правды и славы народа моего». Александр Довженко / Вст. слово и публикация А. Пидсухи. Перевод И. Карбутенко // Советский экран. 1989. № 17. С. 12–14.
49. Неизвестный Асеев / Вст. статья, публикация и комментарий Д. Бабиченко // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 135.
50. Там же. С. 136, 150.
51. Там же. С. 150.
52. Там же. С. 153.
53. Там же. С. 153–157.
54. «По агентурным данным» / Публикация Р. Усикова, И. Шевчука // Родина. 1992. № 1. С. 92.
55. Цит. по: Озеров Л. Илья Сельвинский. Его труды и дни. С. 8, 9.

56. См.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 881. Л. 3–5. В моей монографии «Писатели и цензоры» этот сюжет уже рассматривался. Тогда удалось выяснить, что вопрос о стихотворении И. Сельвинского «Кого баюкала Россия» рассматривался Секретариатом ЦК 2 декабря 1943 года — сразу после подготовки проекта решения начальником УПА. Между тем высшее политическое руководство посчитало недостаточным упоминания этого стихотворения вместе с произведением М. Зощенко, и включило, почти через три месяца, в повестку дня заседания Секретариата ЦК от 10 февраля 1944 года специальный вопрос «О стихотворении И. Сельвинского «Кого баюкала Россия». Упомянутый текст проекта постановления, подготовленный Александровым, отредактировал А. Щербаков, выбросив из него угрожающие фразы. Кроме того, из проекта исчезло упоминание стихотворений «России» и «Эпизод». В конце концов, текст был еще раз отредактирован. Претензии вновь были предъявлены сразу к трем стихам, а заодно Сельвинский был освобожден от работы военного корреспондента. За постановление Секретариата проголосовали Щербаков, Маленков и Андреев. Так одно стихотворение И. Сельвинского «Кого баюкала Россия» дважды было включено в повестки дня заседаний ЦК (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 144. ЛЛ. 20. 21; Ф. 17. Оп. 115. Д. 343. Л. 93).

57. «Литературный фронт». С. 110.

58. Там же. С. 89.

59. Там же. С. 90.

60. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 221. ЛЛ. 14–16.

61. Там же. Л. 129.

62. «Литературный фронт». С. 124–130.

63. Там же. С. 132, 133.

64. Там же. 134, 135. Речь шла о журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Исторический журнал», «Крестьянка» «Крокодил» «Мировое хозяйство и мировая политика», «Огонек», «Работница», «Славяне», «Смена».

65. Там же.

66. Там же.

67. Там же. С. 140–144.

68. Там же. С. 144.

69. Там же. С. 145–147.

70. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 284. Л. 134.

71. См.: Родина. 1992. № 1. С. 92–94.

72. Эта книга была запрещена к распространению 27 августа 1946 г. сразу после постановления ЦК о ленинградских журналах, на основании специального циркуляра уполномоченного Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров.

73. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1057. Л. 2.

74. Там же. Оп. 125. Д. 377. Л. 1.
75. Там же. Л. 33, 34.
76. Там же. Л. 35, 36.
77. Я. Ф. Капустин (1904–1950) — в 1945–1949 гг. второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). В постановлении ЦК 14 августа 1946 г. ему был объявлен выговор за принятие Ленинградским горкомом решения от 26 июня 1946 г. «О редколлегии журнала “Звезда”». 1 октября 1950 г. был осужден и расстрелян в связи с так называемым ленинградским делом.
- И. М. Широков (1899–1984) — в 1945–1946 гг. секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде.
78. Правда. 1946. 21 сентября.
79. См.: Волков В. За кулисами. Некоторые комментарии к одному постановлению // Аврора. 1991. № 8. С. 42–51.
80. Демидов В. И., Кутузов В. А. Последний удар: Повесть // «Ленинградское дело»: Сборник статей. — Л., 1990. С. 51.
81. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1058. Л. 3. См. подробнее: «Следствие прибегло к извращенным приемам» / Вст. заметка, публикация и коммент. В. Лебедева // Источник. 1993. № 4. С. 91–100.
82. Опенкин Л. А. Оттепель: Как это было (1953–1955 гг.). — М., 1991. С. 17, 18.
83. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 46. Д. 1138. Л. 2. Д. Гранин, приводя стенограмму заседания Ленинградской писательской организации, на котором Зощенко отчитывали за открыто высказанное им на встрече с английскими студентами несогласие с положениями постановления ЦК 1946 г., зафиксировал следующие его слова: «Я не желал лезть в руководство. Было наоборот... Я бежал, как черт от ладана, от всяких должностей, я умолял, чтобы меня не включали в редколлегию “Звезды”. Кто же настоял на принятии такого рокового шага? Пока вопрос без ответа. (Гранин Д. Мимолетное явление // «Перечитывая заново»: Сборник статей. — Л., 1989. С. 266.)
84. Правда. 1946. 21 сентября.
85. «Литературный фронт». С. 191.
86. Там же. С. 191–193.
87. Там же. С. 193, 194.
88. Там же. С. 195–197.
89. В заседании 9 августа принимали участие члены Оргбюро ЦК ВКП(б): Александров, Андрианов, Булганин, Жданов, Кузнецов А., Кузнецов В., Маленков, Мехлис, Михайлов, Патоличев, Попов, Родионов, Сталин, Суслов. Члены ЦК: Вахрушев, Задонченко, Поскребышев, Поспелов. Кандидаты в члены ЦК: Гусаров, Жаворонков, Кафтанов, Попков, Сторожев. Председатель Центральной ревизионной комиссии ЦК Владимирский. Член ЦРК ЦК Игнатьев. Заместители начальников Управлений ЦК: Андреев Е., Еголин, Иовчук, Кузаков, Павленко, Федосеев. Управляющий делами ЦК Крупин. Помощники секретарей ЦК Ведерников, Кузне-

цов, Шварев. Секретарь ЦК ВЛКСМ Иванов. Редакторы газеты «Известия» Ильичев, Ицков. Секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Широков. Писатели: Вишневский, Левоневский, Никитин, Капица, Лихарев, Нилин, Прокофьев, Саянов, Тихонов, Фадеев. Кинематографисты: Калатозов, Луков, Пырьев, Савченко.

90. «Литературный фронт». С. 204.

91. РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 978. Л. 3.

92. Там же. Оп. 3. Д. 121. Л. 128.

93. Долинский М. Комментарий и дополнения // Зоценко М. М. Уважаемые граждане: Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные пьесы. — М., 1991. С. 651–655.

94. Правда. 1946. 21 сентября.

95. Капица П. Это было так // Нева. 1988. № 5. С. 137. В. Каверин в связи с выбором этого рассказа в качестве «основного пункта громадного... обвинения» в свою очередь отмечал: «только маньяк мог вообразить, что мартышку», сбежавшую из зоопарка, Зоценко «наделяет ролью высшего судьи наших общественных порядков».

96. «Литературный фронт». С. 197, 198.

97. Там же. С. 198.

98. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. Л. 82 об. — 84.

99. «Литературный фронт». С. 199, 200.

100. Там же. С. 201.

101. Там же. С. 202.

102. Там же. С. 203.

103. Там же. С. 231.

104. Там же. С. 206.

105. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 628. Л. 3.

106. «Литературный фронт». С. 207.

107. Там же. С. 208.

108. Там же.

109. Там же.

110. Нева. 1988. № 5. С. 138.

111. «Литературный фронт». С. 208.

112. Там же. С. 214. История с Широковым — это самостоятельный сюжет. Из статьи В. Волкова мы узнали, что при поступлении Широкова на работу в горком на должность инструктора в местном НКВД отложилась информация, отличающаяся от его анкетных данных: «По предварительной проверке... гр. Широкова Ивана Михайловича установлено, что он проходит по показаниям осужденных Айзенберга и Троицкого как входивший в антипартийную группу в 1927–39 гг., будучи слушателем Ин-та Красной профессуры в гор. Москве». Несмотря на достаточно веские причины, препятствующие не только стремительному росту карьеры (а он за пять лет прошел путь от инструктора горкома до секретаря по пропаганде), но даже

принятию на работу, Широков тем не менее продолжал занимать кабинет в Смольном. И вот здесь невольно напрашивается достаточно дерзкое предположение. Не Маленков ли и Берия, вспомнив о юношеских грехах секретаря, подтолкнули его к принятию весьма рискованного решения без ведома первого секретаря обкома и ЦК, т. е. Жданова и Кузнецова? Ответить на этот вопрос пока очень трудно. Но попутно замечу, что Широков по решению от 14 августа был отозван в распоряжение ЦК и переведен на другую работу, и затем до конца жизни преподавал марксизм-ленинизм в высших учебных заведениях. Пожалуй, только ему удалось избежать репрессий, направленных против коммунистов Ленинградской организации. Может быть, таким способом Маленков — организатор погромов в 1949–1950 гг. — отдавал ему должное за принятие рокового для ленинградцев решения?

113. «Литературный фронт». С. 216–218.

114. РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 121. Л. 122.

115. Нева. 1988. № 5. С. 140.

116. Вопросы истории. 1991. № 10–11. С. 64. В выступлениях в Ленинграде специально подчеркивал, что «этот вопрос на обсуждение Центральным Комитетом поставлен по инициативе товарища Сталина, который лично в курсе работы журналов “Звезда” и “Ленинград” находился и находится все время, подробно изучил состояние этих журналов, прочитал все литературные произведения, опубликованные в этих журналах, и предложил Центральному Комитету обсудить вопрос о недостатках в руководстве этих журналов, причем сам лично участвовал на этом заседании ЦК и дал руководящие указания, которые легли в основу решения Центрального Комитета партии, которые я обязан Вам разъяснить» (РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8–2. Л. 4, 5).

117. РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 803. Л. 146. На собрании выступили Саянов, Федоров, Никитин, Лившиц, Капица, Алехин, Кетлинская, Мирошниченко, Григорьев, Лихарев, Плоткин, Сорокин, Трифонова, Бакинский, Туганов, Прокофьев.

118. См.: «Литературный фронт». С. 240–251.

119. Там же. С. 230–232.

120. Там же. С. 252, 253.

121. Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. С. 77.

122. Там же. С. 65.

123. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. — М., 1990. С. 94, 95.

124. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 451. Л. 98.

125. Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128.

126. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 406. Л. 22–25.

127. Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 93.